

**Андрей
Бондаренко**

**Путь к последнему
приюту**

Андрей Бондаренко
Путь к последнему приюту
Серия «Параллельные миры», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6900186

Аннотация

Как уже было сказано неоднократно, путешествие по Параллельным Мирам – дело, априори, непростое, захватывающее, суровое, трудное, многоплановое, серьёзное и непередаваемое.

А ещё в Параллельных Мирах могут – пусть и теоретически – проживать «похожие» друг на друга люди. То бишь, такие полноценные «двойники-близнецы».

И это обстоятельство, как легко догадаться, чревато самыми неожиданными сюрпризами...

Содержание

От Автора	4
Миттельшпиль, середина Игры	5
Глава первая	8
Глава вторая	19
Глава третья	33
Глава четвёртая	57
Глава пятая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Андрей Бондаренко

Путь к последнему приюту

Сгину я – меня пушинкой ураган сметёт с ладони,

И в санях меня галопом повлекут по снегу утром,

Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони!

Хоть немного, но продлите – путь к последнему приюту...

(В.С. Высоцкий)

От Автора

Как уже было сказано неоднократно, путешествие по Параллельным Мирам – дело, априори, непростое, захватывающее, суровое, трудное, многоплановое, серьёзное и непередаваемое.

А ещё в Параллельных Мирах могут – пусть и теоретически – проживать «похожие» друг на друга люди. То бишь, этикие полноценные «двойники-близнецы».

И это обстоятельство, как легко догадаться, чревато самыми неожиданными сюрпризами...

Автор

Миттельшпиль, середина Игры

Из-за кирпичного забора, огораживавшего фамильную усадьбу графов Петровых, долетели странные приглушённые звуки: непонятный резкий свист, глухие хлопки, болезненные охи-ахи и тоненькие женские вскрики-причитания.

Крестьяне, стоявшие рядом с воротами, заволновались и принялись о чём-то тревожно перешептываться между собой.

– Разве этот незначительный и мелкий момент требует дополнительных пояснений? – рассерженно нахмурился епископ. – Принять заслуженное наказание от рук верных слуг Божьих – вдвойне слаще. И втройне полезней...

– Не скажите, Владыко, – уважительно потупилась матушка Варвара. – Не скажите.... А если обратиться к аналогичным ситуациям, подробно описанным в Ветхом Завете?

Завязался спор – насквозь фундаментально-религиозной направленности. Мелькали различные события, даты, подробности и звучные имена: Мария, Иоанн, Захария, Руфь, Пётр, Павел...

«Это же она, просто-напросто, время тянет», – понял Егор. – «Ну, как в известном кинофильме – «Корона Российской Империи». Мол, в Оружейной палате Московского Кремля собрались иностранные дипломаты и представители прессы, желающие взглянуть на легендарную реликвию, а

старенький музейный директор, дожидаясь, когда «неуловимые мстители» вернут знаменитую корону на место, старательно развлекает дотошных зарубежных гостей пространными и бесконечными разговорами на библейские темы...».

Через некоторое время звуки, долетавшие из-за забора, стихли, ворота – с тихим скрипом – распахнулись, и из них медленно выехала машина, за рулём которой находился денщик Фёдор.

«Натуральный грузовой «Форд» из моего прежнего Мира – с открытым кузовом, предназначенный для хозяйственных нужд мелких фермеров и прочих деревенских предпринимателей», – отметил Егор. – «Только марка, естественно, другая. То бишь, «Руссо-Балт», как и следовало ожидать.... Второй автомобиль выезжает. Легковой, на этот раз. Слегка похож на крутой «шестисотый» «Мерседес». Только на капоте наличествует серебристая фигурка бегущего куда-то рогатого оленя. Здешняя «Волга», понятное дело. Александра за рулём. Машины останавливаются.... Что ещё за хрень? В кузове «Руссо-Балта» лежат Лёха, Хан, Ванда и Лана: босые, вся одежда качественно иссечена кнутами, из широких и узких прорех сочится красно-алая кровь. И весь кузов кровью забрызган. Практически неподвижно лежат и постанывают вразнобой. Мать его растак.... Что же это такое, а? Ничего не понимаю.... Алька выбралась из «Волги» – уверенная, спокойная, холёная, равнодушно улыбающаяся. Очень шикарно смотрится – строгий офисный костюм благородно-

го цвета «бордо»: узкая юбка чуть ниже колен, приталенный длинный жакет, кружевная белоснежная блузка, остроносые туфли-рюмочки, стильная дамская сумочка – в цвет костюма. Только элегантная широкополая шляпка, украшенная пышным страусовым пером, несколько выбивается из «официально-офисного» облика. Впрочем, ей, конечно, видней...».

– Доброго вам здравия, отче, – почтительно поклонившись, поздоровалась Александра. – Вот, везём злокозненных преступников в Тайную Канцелярию. Пусть там разбираются, как им и положено.

– Зачем же так круто, графинюшка? – болезненно поморщился старец. – Зачем так – рьяно? Кровища сплошная. И наказывать-то можно – с толикой милосердия...

– Ну, вот, Владыко. Не угодишь на вас, право слово.

– Эх, грехи наши тяжкие.... Всё, православные, расходимся. По домам все! По домам...

Монахи и крестьяне, огорчённо понутив головы, разбрелись в разные стороны.

– Расстроились, понимаешь, – высокомерно усмехнулась Александра. – Суровые блюстители нравственности, тоже мне, выискались.... Фёдор, вылезай из машины. Живо. При доме останешься. И ты, матушка Варвара, так же. Егорушка, садись за руль грузовичка. Я первой поеду, а ты следуй за мной...

Глава первая

Мы успели

Хижина была очень старенькой, но ещё крепкой, а главное, тёплой. Это в том смысле, что зимовать в ней было достаточно комфортно и уютно. Для привычного и опытного человека, понятное дело, комфортно. А Егор, как раз, таковым и являлся – тёртым и виды выдавшим чукотским охотником. По крайней мере, он сам себя ощущал – таковым.

То есть, был железобетонно и однозначно уверен в этом. Так было надо. В этом и заключалась задуманная фишка. Точка.

Ещё несколько слов о старой хижине, вернее, об охотничьей землянке-каменке.

Когда-то – лет так пятьдесят-шестьдесят назад – кто-то глазастый, предприимчивый и шустрый высмотрел в местных гранитных скалах аккуратную прямоугольную нишу подходящих размеров – девять метров на четыре с половиной. Высмотрел, да и решил приспособить под надёжное и долговечное жильё.

Тщательно укрепил в земле, то есть, в вечной полярной мерзлоте несколько толстых сосновых брёвен, принесённых к берегу морскими южными течениями, обшил брёвна – с двух сторон – крепкими досками, а пространство между ни-

ми засыпал мелким гравием и песком – вперемешку с обрывками сухого ягеля. Получилась четвёртая стена хижины. Три, понятное дело, остались каменными. Естественно, что в этой четвёртой стене имелась надёжная и приземистая (тоже засыпная), дверь, а также крохотное квадратное окошко. Односкатная же крыша строения была сооружена самым простейшим образом-методом. На аккуратно уложенные жерди и доски были настелены толстые моржовые шкуры, поверх которых разместился полуметровый слой светло-зелёного лохматого мха. Крыша – с течением времени – густо заросла карликовой берёзой, ивой, раkitой и высокими кустиками голубики. Ещё землянка была оснащена отличной печью, умело сложенной из дикого камня. Именно эта печка и позволяла успешно выживать – в сорокоградусные суровые морозы.

Почему было не построить обыкновенную бревенчатую избу-пятистенок? Потому, что вокруг – на многие сотни и сотни километров – простиралась дикая чукотская тундра, и дельную древесину можно было отыскать только на морском берегу длинного изломанного мыса, который назывался – «Наварин».

Конечно же, мыс Наварин – это юго-восток Чукотки, и климат здесь гораздо мягче, чем на севере, да и до Камчатки уже рукой подать. Следовательно, вдоль ручьёв и лесок – какой-никакой – встречался. Но, так, совсем ерундовый, хилый и откровенно-несерьёзный. Берёзки-осинки высотой по

грудь среднестатистическому взрослому человеку (надо думать, только наполовину карликовые), тоненькие и кривые сосёнки-ёлочки, да и куруманника было – сколько хочешь. Куруманник – это такой густой кустарник высотой до полутора метров: ракита, ива, ольха, вереск, багульник, что-то там ещё....

Короче говоря, с серьёзной древесиной на мысе Наварин наблюдался тотальный дефицит, и настоящую бревенчатую избу строить было практически не из чего.

Егор очень любил свою хижину-землянку. Она служила ему и спальней, и столовой-кабинетом, и многопрофильным складом.

Широкая печка условно разделяла помещение на два отделения – жилое и хозяйственное. В жилом отделении – меньшим по площади – он готовил пищу, умывался, ел, стирал нижнее бельё, предавался раздумьям и спал. В хозяйственном – обрабатывал шкурки добытых песцов, тарбаганов, чернобурок, медведей и полярных волков, засаливал пойманную рыбу, очищал от грязи и вековой плесени длинные бивни мамонтов, найденные в юго-западных распадках. Здесь же хранились продовольственные и прочие припасы, необходимые в повседневной жизни чукотского охотника-промысловика: патроны, ружейное масло, широкие лыжи, керосин, дубильные вещества, звериные капканы, рыболовные снасти, нитки-иголки, ножницы для стрижки волос, усов и бороды, прочее – по мелочам. Включая стандартную

медицинскую аптечку и зубные пасты-щётки.

На задней стене избушки, рядом с печью, красовалась странная надпись, выполненная белой краской: – «Шестьдесят три градуса двадцать семь минут северной широты, сто семьдесят четыре градуса двенадцать минут восточной долготы».

Кем была построена эта хижина-землянка? Когда? Егор этого не знал, да и, честно говоря, не хотел знать. А, собственно, зачем? Что это могло изменить? Ровным счётом – ничего. Игра, придуманная им самим, началась. Приходилось соблюдать правила.

От прошлой жизни у Егора осталась только одна единственная безделушка – крохотная фигурка белого медвежонок, искусно вырезанная из светло-сиреневого халцедона. Медвежонок доверчиво улыбался и являлся единственным собеседником-слушателем-приятелем. Именно с ним Егор, чтобы окончательно не утратить навыки человеческой речи, и беседовал долгими вечерами. Вернее, медвежонок загадочно молчал, а Егор увлечённо и самозабвенно рассказывал ему о событиях прошедшего дня. О добытых пушных зверьках, о происках хитрых бурых медведей и коварных россомах, о рыболовных удачах и погодных реалиях. Другие вопросы-темы Егора совершенно не интересовали.

Хижина располагалась на узкой каменной террасе, поросшей разноцветными лишайниками и редкими кустиками голубики. Наверх поднимался пологий косогор, усыпанный

разноразмерными валунами и булыжниками. Внизу – метрах в трёх-четырёх – ненавязчиво шумел бойкий ручей, носящий поэтическое название «Жаркий» и не замерзавший даже в самые лютые морозы. Ручеёк – через семьдесят-восемьдесят метров от землянки – впадал в Берингово море.

То есть, месторасположение жилища было выбрано со смыслом. Во-первых, всегда под рукой была пресная вода. Во-вторых, косогор защищал хижину от противных северных и северо-восточных ветров. В-третьих, прекрасно (даже из крохотного окошка землянки), просматривалась уютная морская бухточка.

Два раза в год – в конце мая и в начале октября – в бухту заходил маленький пароходик «Проныра», принадлежавший камчатскому бизнесмену Ивану Сергеевичу Николаеву. Пароходик бросал якорь – по причине мелководья – примерно в ста пятидесяти метрах от берега, и с его борта спускали пузатую шлюпку, на которой Егору – молчаливые и хмурые матросы – доставляли продовольствие, бумагу, шариковые ручки и прочие, заранее заказанные им припасы, а также бумажный листок с новым план-заданием от неведомого ему господина Николаева. И, соответственно, забирали меховые шкурки, рыбу (вяленую и копчёную), деревянные бочки с красной засоленной икрой, бивни мамонтов и список с материально-продовольственными пожеланиями на следующий визит. Книжки, газеты и прочие интеллектуальные штучки в этих списках никогда не фигурировали...

Зимой, конечно же, приходилось нелегко. Метели, выюги и пороши дули-завывали неделя за неделей. Из хижины было не выйти, звериные капканы и петли оставались непроверенными. От вынужденного безделья иногда наваливалась лютая безысходная тоска, хотелось выть в голос и кататься по полу, круша – от бессильной злобы – всё и вся....

После вспышек внезапной и ничем немотивированной ярости приходили странные и тревожные сны, наполненные цветными призрачными картинками. В этих снах умиротворённо и задумчиво шумели густые сосновые и лиственные леса, беззаботно щебетали незнакомые шустрые птицы, элегантные корабли – под всеми парусами – неслись куда-то по лазурно-голубым волнам, вспенивая по бокам белые буруны....

По поздней осени и ранней весне мыс Наварин частенько посещали белые медведи. Но близко к хижине они не подходили и, вообще, вели себя на удивление прилично, словно доброжелательные гости, из вежливости заглянувшие на огонёк. Медведи медленно проходили, не останавливаясь, по береговой кромке, изредка приветственно и одобрительно порывая в сторону землянки.

О соблюдении личной гигиены Егор никогда не забывал. Умывался и чистил зубы два раза в сутки – утром и вечером. А ещё регулярно (летом – один раз в две недели, в остальные времена года – раз в месяц-полтора), он организовывал полноценные банные процедуры. То есть, натягивал на аккурат-

ном каркасе, изготовленном из сосновых веток-стволов, кусок толстого полиэтилена, заносил в образовавшееся «банное помещение» – в специальном чугунном казанке – заранее раскалённые камни, а также – в оцинкованных вёдрах – горячую и холодную воду. После чего раздевался, плотно «закупоривался» и поддавал на раскалённые камни крутой кипяток, благодаря чему температура в «бане» очень быстро поднималась – вплоть, по ощущениям, до семидесятиградусной отметки. Егор отчаянно парился-хлестался берёзовыми вениками – короткими, с очень мелкими листьями. А потом тщательно мылся – с помощью самого обычного мыла и таких же обыкновенных мочалок.

Всё бы и ничего, но только очень досаждало ощущение полного и окончательного безлюдья. Появление хмурых матросов – два раза в год – было не в зачёт. Первобытная тишина, песцы, чернобурки, медведи, росوماхи, наглые полярные волки, стаи перелётных уток-гусей, тучи комаров и гнуса, зелёные и голубые всполохи полярного сиянья, да далёкий морской прибой. На этом и всё.

Впрочем, иногда у Егора появлялось чёткое ощущение, что за ним кто-то старательно наблюдает.

Во-первых, это происходило – примерно ежемесячно – в периоды новолуния. Как только Луна приближалась – по своей геометрии – к форме идеального круга, так всё крепче зрела уверенность, что за ним установлена тщательнейшая слежка.

Во-вторых, при каждом дальнем походе – по письменному требованию господина Ивана Николаева – за новыми бивнями мамонта.

До юго-западных заболоченных распадков – от хижины-землянки – надо было пройти километров тридцать-сорок. Если вдуматься, то и не расстояние вовсе – для взрослого и подготовленного человека. Семь часов хода до распадков. Два часа на «раскопки» в болотистой жиже. Девять с половиной часов – усталому и гружёному – на обратный путь. Ерунда ерундовая. В любом раскладе – ночуешь дома. Но, ощущения....

Путь к юго-западным болотам пролегал через странное плоскогорье. Чем, собственно, странное? Своими камнями – необычными по форме, да и по содержанию. Идёшь мимо них, и кажется, будто бы эти загадочные плиты мысленно разговаривают с тобой....

Плиты? И грубо-обработанные плиты, и высокие плоские валуны, поставленные на попа, с нанесёнными на них непонятными руническими знаками.

Руническими? Да, где-то на самых задворках подсознания Егора жило-существовало это понятие-воспоминание.

– Шаманское кладбище, – шептал Егор. – Подумаешь, мать его, не страшно. И не такое видали...

Здесь он Душой не кривил. Действительно, в самой глубине этой самой Души жила железобетонная уверенность, что её (Души), хозяин способен на многое. На очень – многое.

Что, собственно, и доказал – когда-то, где-то, кому-то – в жизни своей прошлой, сознательно подзабытой.

Тем не менее, проходя – туда и обратно – мимо шаманского кладбища, Егору казалось (чувствовалось?), будто бы за ним кто-то наблюдает. Внимательно так наблюдает, вдумчиво и пристально.

Может, действительно, казалось. А может, и нет...

Ещё каждый день – по два-четыре часа – он работал. То есть, писал.

Егор для этого и поселился в заброшенной хижине, расположенной на далёком чукотском мысу.

Игра такая, мол, пока не напишу полноценную трилогию – о верной и счастливой любви, домой, то есть, в Питер, не вернусь.

Главную Героиню трилогии звали – «Александра».

Так звали и жену Егора, безвременно умершую несколько лет тому назад...

Все мы играем – в Игру – на природе.

Все мы – играем. Вдали.

Замерли в стенке – железные гвозди.

Замерли – все корабли.

Замерли, замерли. Все – давно – замерли.

Быт – как всегда – правит бал.

Сердце давно – безнадёжно – изранено.

Осень, старый вокзал.

Новый побег – лекарство от скуки.
Старая, право, Игра.
Новенький труп, а над трупом – мухи.
Это – увы – навсегда.

Как бы там не было – Зла уже налито.
Там. На заре. Поутру.
Счастлив бывает лишь тот, кто – как правило,
Часто играет – в Игру...

Счастлив бывает лишь тот, кто – как правило,
Часто играет – в Игру...

Пришла долгожданная чукотская весна – ветреная, хму-
рая и сырая. Наступил июнь месяц.

Роман был закончен. Точка поставлена.

– И жизнь – закончилась, – решил Егор. – Не вернусь я
больше в Питер. Никогда.

Он закрыл толстую общую тетрадь (последнюю, так же
плотно исписанную, как и все предыдущие тридцать пять),
прошёл к кровати, лёг на матрас и отвернулся к стене.

– Всё на этом. Буду лежать и ждать смерти. Сашенька, ско-
ро мы встретимся. Жди. И я буду ждать. Санечка...

Лежал и ждал.

Сутки, вторые.

Время текло – как приторный яблочный сироп.

Перед внутренним взором мелькали – надоедливый калейдоскопом – отрывочные картинки из прошлой жизни, связанные, в основном, с молодой черноволосой женщиной – милой, очень стройной и улыбчивой. Всё медленней и медленней мелькали. Очень хотелось пить...

«Вот, и всё», – пробежали в голове печальные мысли. – «Прощайте, люди-человеки. Пусть у вас всё будет хорошо. И у нас с Саней – хорошо. Но как же хочется пить. Пить. Пить. Пить.... Что это? Вертолёт где-то гудит? Ну, и пусть себе – гудит. Похрен...».

Запёкшиеся сухие губы почувствовали влагу – холодную, шипучую и слегка кисловатую.

– Пей, родной, – посоветовал чей-то смутно-знакомый баритон. – Пей, бродяга. Молодец.

– Как он там? – поинтересовался густой бас. – Жить будет?

– Будет, – заверил баритон. – Мы успели...

Глава вторая

В гости к Богу – не бывает опозданий

Сознание постепенно возвращалось. То есть, медленно, но неуклонно восстанавливалось.

– Глюкозы бы ему вколоть, – посоветовал заботливый бас. – Для пущего порядка. Вон, какой истощённый, кожа да кости.

– Глюкозы? – насмешливо фыркнул баритон. – Ох, уж, эти штатские деятели. Затеяники, право слово.... Истощённый, говоришь? Так и тот, второй, выглядел крайне измождённым и усталым. Всё, что называется, одно к одному.... Прапорщик!

– Я! – отозвался звонкий женский голосок.

– Вколи-ка клиенту «Всплеск».

– Какой конкретно, господин генерал-лейтенант?

– А мы сейчас у самого приболевшего и спросим, – вальяжно хмыкнул баритон. – Эй, отставной майор. Эй! Слышишь меня, сукин кот?

– Слышу, – ещё до конца не понимая сути происходящего, пробормотал Егор. – Ушные пробки, слава Богу, отсутствуют.

– Это, Петров, просто замечательно. Личная и регулярная

гигиена – дело наипервейшее и, безусловно, важное. Для военного человека наипервейшее. Я имею в виду – после Устава.... Так как, болезный, какой «Всплеск» ты предпочитаешь?

– «Второй», пожалуй. Исходя из опыта прошлых лет...

– Прапорщик.

– Я!

– Выполнять.

– Есть!

Правого предплечья осторожно и ненавязчиво коснулось что-то льдисто-холодное.

Острая короткая боль. Звонящая тишина. По телу потекла – медленно-медленно и неуклонно – приятная обволакивающая теплота. Вдоль позвоночника шустро и весело побежали мелкие ласковые мурашки. В висках закололо – нежно и успокаивающе.

– Пошёл процесс, – довольно хохотнул баритон. – Открывай, отставной майор, глазоньки. Открывай-открывай, голуба моя. Не стесняйся, морда гражданская.

Егор послушно разлепил ресницы и мысленно прокомментировал увиденное: – «Их трое. Мордатый, высокий и самоуверенный до полной невозможности – это Виталий Павлович Громов. Заслуженно самоуверенный, надо признать, так как является действующим генерал-лейтенантом российского ГРУ. А это, мои дамы и господа, совсем даже и не шутки. В том плане, что не портянка позапрошлогодняя, за-

скорузлая.... Рядом с ним – миниатюрная кареглазая шатенка лет так двадцати семи-восьми, облачённая в стандартный «грушный» камуфляж. Верочка, опытный врач широкого профиля и верная любовница Палыча. Матёрый генерал-лейтенант – без симпатичной военно-полевой жены? Не смешите. Так, просто-напросто, не бывает. Нигде и никогда. Генерал-лейтенант ГРУ – это вам не гей худосочный, элегантный и наманикюренный.... Третий, который басит? Вот этот, как раз, классического гея и напоминает: худосочный, очкастый, с обширными залысинами и живыми бегающими глазками....».

– Сергей Васильевич к гадким пэдорастам не имеет никакого отношения, – поспешил заверить догадливый генерал-лейтенант. – Штатским гадом буду. Во-первых, он является серьёзным и уважаемым учёным. А, во-вторых, пока летели к тебе, майор, из Анадыря, он очень активно тёрся своими костлявыми коленками о безупречные ляжки моего личного прапорщика. Мол, теснота и всё такое прочее...

– Виталий Палыч!

– Молчи, Верунчик, молчи. Тёрся. Я сказал.... Как ты, отставной майор? Готов к серьёзному и судьбоносному разговору?

– Надо ли? – вильнул взглядом Егор.

– Надо, шалопай бородатый. Надо. Не зря же мы к тебе больше суток из Москвы белокаменной добирались. Причём, с тремя полноценными пересадками. Надо.... Садись,

давай. Или же ещё «Всплеска» вколоть? «Троечки», например?

– Спасибо, не надо. Уже сажусь.

– Молодец, боец, – скупу похвалил Громов. – Значится так. Верунчик, на выход.

– Дождик там, – заныла шатенка. – Поливает и поливает. Моросит и моросит. И ветер очень холодный... Можно, Палыч, я здесь постою? А? Ну, какие ещё секреты от меня? В курсе я всех этих дел «параллельных». Причём, давно и плотно...

– Прапорщик Осадчая!

– Я!

– На выход. Быстро. Бдеть, охранять и надзирать за раздолбаями вертолётчиками.

– Есть!

Обиженно хлопнула входная дверь.

– Что дальше? – поинтересовался Егор.

– Дурацкая, брат Петров, у тебя улыбка, – сообщил мордатый генерал-лейтенант. – Кривая и насквозь штатская.

– А какая должна быть?

– Бравая, как настоящему российскому офицеру и положено. Ладно, это дело поправимое. Отложим на потом.... Доставай, Василич, фотки. Пусть боец ознакомится.

Очкарик, раскрыв потёртый кожаный портфель и покопавшись в нём с минуту, протянул несколько цветных фотографий.

– Смотри, боец, – язвительно хмыкнул Громов. – Внимательно и пристально смотри. Помирать он, понимаешь, надумал. Не майор доблестного ГРУ (пусть и в отставке), а нюня гражданская и рохля трепетная. Писатель-фантаст хренов...

– Прекращайте, Палыч, ворчать. Вам это совершенно не идёт, – посоветовал Егор, а через несколько секунд потерял дар речи.

«Что же это такое, а? Дурацкая шутка? Зачем? Чья?», – истерично бились в голове тревожные и растерянные мысли. – «Это же я – в самых разных ракурсах, только без бороды. То бишь, мой неподвижный и однозначно-хладный труп. Ишь, как физиономию-то перекосило предсмертной судорогой. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно.... Ага, здесь и даты проставлены. Мол, данные фотографии сделаны неделю назад. Чушь. Я тогда, как раз, роман дописывал. Борода, опять же, на месте.... Одежда? Стандартная походная штормовка. Только, извините, не моя, цвет не тот.... Фотомонтаж? А, собственно, зачем? Ничего не понимаю...».

– Ничего не понимаю, – озвучил последнюю мысль Егор. – Совсем – ничего. В чём дело, Палыч? Кто это?

– Егор Петров. Но, майор, не ты.

– Как это?

– Так это. Пришелец из Параллельного Мира, – извлекая из кармана пятнистых камуфляжных брюк плоскую фляжку из нержавейки, любезно пояснил генерал-лейтенант. – Вернее, представитель одного из них, параллельных.... Знаешь,

бродяга чукотский, что это такое? Мол, Параллельные Миров?

– Знаю, конечно. Ик-к.... Как не знать? Я же – писатель-фантаст. Даже несколько полноценных романов – на данную тематику – наваял в своё время. Ну, когда она являлась модной, «трендовой» и востребованной. Ик-к-к-к....

– Фантаст он, понимаешь. Востребованный, мать его. Так тебя, родного, и растак. Вот, держи сосуд с микстурой целебной. Хлебни коньячка приличного – чисто для укрепления расшатанной нервной системы.

– Спасибо, ваше благородие....

– Э-э, Петров, заканчивай наглеть! Пол фляжки выхлебал – в одну наглую харю. Оглоед.

– Спасибо вам – ещё раз. Вкусный, ароматный и духовитый напиток. Нектар натуральный.

– Хотелось бы ознакомить вас, уважаемый Егор Андреевич, с некоторыми теоретическими постулатами, – вмешался в разговор очкарик. – Так сказать, относительно природы Параллельных Миров....

– Не надо – с постулатами. Не надо – относительно. Сразу переходите к сути, – попросил Егор. – Не пачкайте, пожалуйста, мозги. Ни мне, ни себе. Лучше расскажите всю эту историю с самого начала. С самого-самого. Что называется, от пращура Адама. Мол, как, что, зачем и почему.... Доходчиво изъясняюсь? Как? Зачем? Почему?

– Узнаю прежнего майора Петрова, – довольно заулыбался

сы Громов. – Как будто и не было этих восьми лет, проведённых тобой в отставке.

– Не томите, Палыч.

– Как скажешь, боец. Как скажешь.... Приступай, Сергей Васильевич, к повествованию. Тебе, как говорится, и карты в руки.

– Приступаю.... Итак. На нашей прекрасной планете имеет место быть знойная и суровая пустыня, носящая поэтическое название – «Такла-Макан». Интересное такое местечко: непонятное, тайное, загадочное и гадкое – до полной и нескончаемой невозможности. Большая и пухлая «дыня», лежащая в самом сердце Таримской впадины, которая – в свою очередь – расположена в районе южного Тянь-Шаня. Вокруг Такла-Макан – только суровые горы и мрачные нагорья. На севере – Тянь-Шань. На юге – Куньлунь. На востоке – гоби Лобнора. На западе – Гиндукуш. Весело здесь, ничего не скажешь.... Такла-Макан – пустыня злых зыбучих песков. И природно-климатические условия здесь соответствующие. То есть, очень и очень суровые. Жаркие дни сменяются холодными ночами, а суточные перепады температур зачастую превышают сорок градусов. «Такла-Макан» переводится как: – «Кто пойдёт, тот не вернётся...». И это, действительно, так. Ещё во времена знаменитой китайской династии Тан¹ здесь путешествовал знаменитый буддийский монах Сюнь Цзан, оставивший потомкам обширные письмен-

---

¹ Династия Тан – династия китайских императоров, 618–907 гг.

ные воспоминания об этом беспримерном путешествии.... Так вот. По утверждениям монаха, в центре Такла-Макан раньше располагался древний город, в котором проживали одни отпетые злодеи. Они на протяжении многих-многих лет, десятилетий и столетий грабили и убивали всех купцов, а также других любопытствующих праздных путников, следовавших через эту пустыню. Даже странствующих монахов не щадили. В конце концов, Небесный Владыка разгневался не на шутку. Целых семь дней и семь ночей, без единого перерыва, дули сильнейшие чёрные ветры, и город исчез с лица Земли, словно бы и не было его никогда.... Город исчез, а неисчислимые награбленные богатства остались. Золото в слитках и украшениях, различные монеты, драгоценные камни – всё это до сих пор лежит в железных и бронзовых сундуках. Но унести эти несметные сокровища, как повествует Сюнь Цзан, невозможно. Мол, если кто-нибудь возьмет что-либо из этого богатства, то сразу же поднимается чёрный вихрь, человек теряет дорогу обратно, и – обессиленный – погибает от жажды среди раскалённых песков.... Если же осторожный путник попридержит свою природную алчность и положит драгоценности обратно в сундук, то он сможет выбраться из пустыни. Конечно, при условии, что непредсказуемый Небесный Владыка будет не против.... Через Такла-Макан протекает речка – «Хотан». Единственная река в этой пустыне, которая никогда не пересыхает. Над одной из излучин Хотана возвышаются так называемые – «Белые хол-

мы», сложенные из светло-жёлтого известняка с тончайшими прослойками белоснежного мела. В одном из Белых холмов имеется очень широкая и высокая пещера, про которую сложено множество легенд. Мол, кто в эту пещеру заходит, обратно уже никогда не выходит. Рассказывают, что во время знаменитого индийского похода орды Чингисхана в пещеру въехала целая конная сотня. Въехала и, конечно же, не вернулась. Чингиз посчитал это дурным предзнаменованием и велел своим узкоглазым воинам возвращаться обратно, в вольные и бескрайние монгольские степи. . . . Что же касается наших дней. Может, Виталий Павлович, вы подключитесь?

– С удовольствием перехватываю эстафетную палочку, – многозначительно усмехнулся генерал-лейтенант. – В том глубинном смысле, что буду краток и обойдусь без штатской словесной водицы. . . . Восемь с половиной лет тому назад упрямые и настойчивые учёные мужи проели нам плешь. Качественно проели. И не только нам, но и нашим китайским профильным товарищам. Посовещавшись, пошли учёным навстречу и сформировали совместную экспедицию. Выдвинулись на объект. Разбили стационарный лагерь рядом с нужным Белым холмом. Нашли легендарную пещеру. Направили туда разведывательный отряд, состоявший из трёх армейских спецов и двоих «ботаников». К карабину, закреплённому к ремню последнего бойца, привязали длинную-длинную капроновую верёвку. Отряд ушёл. Примерно через минуту-полторы перестал работать «маячок», сооб-

щавший координаты группы, а также ослабла верёвка. Вытащили – такое впечатление, что обрезана острой бритвой. Или даже лазерным лучом. Стали звонить по мобильным телефонам, вышли на нужную волну армейской радиации. Тишина. То есть, полная тишина. Никаких тебе «гудков» и «пиликаний». Вообще, никаких. Так тот отряд и не вернулся. Ушёл – с концами.... Послали в пещеру специально-обученную собаку с «маячком», вмонтированным в кожаный ошейник. Сгинула. Ещё парочку овчарок отправили. Пропали.... Тогда-то мудрые академики и высказали смелую гипотезу, мол: – «Это не что иное, как Портал, ведущий в Параллельные Миры. Только Портал одностороннего, так сказать, действия. То есть, по нему можно только «входить» в означенные Миры. А «выходить» – нет...». На том, посоветовавшись с китайцами, и порешили. То бишь, установили рядом с пещерой крепкий стационарный пост (российско-китайский, ясен пень), и стали терпеливо ждать.... Чего, собственно, ждать? А Бог его знает, если честно. Наверное, всяких и разных нетипичных происшествий.... Вот, неделю тому назад такое происшествие и случилось. Возле пещеры объявился неизвестный подозрительный тип. Его, естественно, попытались задержать для выяснения личности. Да, куда там. Оказал активное вооружённое сопротивление. То бишь, принялся палить – почём зря – из автоматического оружия и гранатами швыряться. Ну, а наши доблестные бойцы, открыв ответный огонь, «нашпиговали» молодчика свинцом – по самое

не балуйся.... Когда мы с Василичем и Веруней прилетели на место, то неизвестный был ещё жив. Всмотрелся я в его бледную физиономию и медленно-медленно офигел, мол: – «Это же отставной майор Егорка Петров, собственной персоной. Мой практически любимый ученик.... Как такое может быть, а?». Делать нечего. Напичкали мы «тебя», как и полагается в таких случаях, «Всплесками». Но не получилось, увы, продуктивного и душевного разговора – сплошное гордое молчание да взгляды насквозь-презрительные были нам ответом.... «Что-то не так», – думаю. Ещё раз в физиономию пристально всмотрелся. Безусловно, лицо, майор, похожее на твоё. Ну, очень-очень похожее. Но и мелкие отличия наблюдались: разрез глаз чуть-чуть другой, родимое пятно на шее, которого раньше не было.... Ладно, ещё раз Веруню кликнули. Она странному типу всякой химии наркотической вколола. Ну, той, что волю качественно притупляет, а нежное подсознание, наоборот, расслабляет и освобождает от всякой сдержанности.... Начался, понятное дело, настоящий допрос. Типа – по законам сурового военного времени. Благо твой «параллельный» тёзка, пребывая в предсмертном бреде, прекрасно разговаривал на русском языке.... Резюмирую – коротко и сжато. В Белых холмах расположен «выпускающий» Портал в разные Параллельные Миры. А где-то в первобытных джунглях Амазонии – «впускающий». Где конкретно? «Пришлый» Егор Петров не запомнил. Мол, там его встретили дикие и молчаливые индейцы,

а потом – в течение двух недель – выводили к обитаемым и цивилизованным местам. Конечно, сейчас ищем – и означенных индейцев, и «выпускающий» Портал. Но шансов найти, честно говоря, маловато. Джунгли – штука крайне серьёзная. Легче крохотную швейную иголку отыскать в стоге сена.... Зачем этот субчик прибыл в наш Мир? В плановую служебную командировку, ясный перец. Типа – посылку передать. Добрался до Тегерана, да и заложил – под обломок скалы на развалинах древнего суннитского храма – компьютерный диск. Что, кому и зачем – не знает. После этого молодчик, успешно выполнив поручение, отправился к Белым холмам. То есть, к «выпускающему» Порталу.... Что он ещё нам рассказал? Да, много всякого – о своём Мире: про быт и политическое устройство, про научные достижения и основные вехи культурного развития. Потом, майор, ознакомишься с подробными записями.... А ещё у него там – в «параллельном» и загадочном далеке – осталась супруга: Александра Петрова, в девичестве – Назарова, через несколько суток ей исполнится двадцать девять лет. И нашей Сашеньке, если бы она не умерла, столько же исполнилось бы. Причём, день в день.... Усекаешь, отставной майор? Осталась. То есть, жива, здорова и от бандитской пули не погибала. Жива. А ещё очень-очень похожа – по описаниям пленённого «параллельщика» – на нашу Санечку. Детишек, кстати, у них не было. Как, пардон, и у вас с покойницей.... Побледнел-то как. На ноги вскочил. По хижине забегал – ту-

да-сюда. Ага, достало-таки.... Фляжку-то держи. Смело допивай, не стесняйся.... Молодец, наш человек. Присядь, родной. Присядь. Я ещё не закончил.... Вот, спасибочки. Продолжаю. Узнав о существовании живой и здоровой Александры Петровой (Назаровой – в девичестве), мы ещё вкололи фигуранту соответствующих препаратов. Вкололи и расспросили – более подробно и вдумчиво. Тут-то и выяснилось, что в Параллельных Мирах, оказывается, проживают «одинаковые» (или же «почти одинаковые»?), люди. Сколько их? Много? Мало? Только в единичных «количествах»? Это, в том числе, тебе и предстоит выяснить.... О, думаю, какой богатый материал образовался – для тактических и стратегических размышлений. Но тут допрашиваемый, как назло, умер, и допрос завершился. Ну, а я о тебе, Петров, конечно же, и вспомнил.... Как же иначе?

– Считаете меня – идеальным «засланцем»? – уточнил Егор.

– Считаю, – по скулам Громова тут же забегали каменные упрямые желваки. – Во-первых, ты прошёл через многоуровневую диверсионную и иную подготовку. Во-вторых, являешься – с большой долей вероятности – «аналогом» тамошнего Егора Петрова. В-третьих, имеешь уникальнейший шанс – «воскресить» умершую обожаемую супругу.... Поэтому суть предстоящей операции проста и непритязательна. Прибываешь на место. Обживаешься и легализуешься. Узнаёшь, где находится «выпускающий» – из того Мира – Пор-

тал. Хватаешь в охапку Александру. Вместе с ней «перемещаешься» сюда. Пишешь подробный рапорт-доклад. Получаешь приличные бабки и разлапистый орден. Всё на этом. Можешь возвращаться к скучной штатской жизни. Подчёркиваю, к счастливой семейной штатской жизни. . . . Ну, очень нам нужен этот Портал, расположенный в амазонских джунглях. Ну, очень. Блин горелый. . . . Как ты, добрый молодец, согласен?

– Согласен. . . . Когда вылетаем к Белым холмам?

– Шустрый какой. «Когда вылетаем. . . ». Торопишься?

– Ага, опоздать боюсь. . .

– Как говорил Поэт: – «В гости к Богу – не бывает опозданий. . . », – напомнил о своём существовании лысоватый очкарик.

– А причём здесь – Бог? – заинтересовался Егор.

– Притом. Рассматриваемым нами Миром управляет, как раз, Бог. Всемогущий и строгий. По крайней мере, так излагал умерший пленный. Правда, находясь в бреду наркотическом, предсмертном. . .

Глава третья

Так что ж там ангелы поют – такими злыми голосами?

Через двое суток они были уже под Санкт-Петербургом, на берегу Ладожского озера, где располагалась специальная «грушная» база.

– Как же здесь пахнет, – подойдя к открытому настежь окну, восхищённо помотал головой Егор. – Замечательно и незабываемо.

– И чем конкретно пахнет? – недоверчиво хмыкнул генерал-лейтенант.

– Юностью, Палыч. Юностью.... Я же здесь ещё зелёным курсантом побывал. И потом ещё – несколько раз, когда готовились к операции «Дракон». Из всего отряда – в конечном итоге – только я один и выжил. Дела. После этого и рапорт об отставке подал...

– Юность – это да. Субстанция, достойная самого искреннего уважения-восхищения. Ну, и почтения, понятное дело.... К делу перейдём?

– Перейдём, – согласился Егор. – Какова конечная цель предстоящей операции? Для российского ГРУ, я имею в виду?

– Обнаружить и взять под свой полный и единоличный

контроль «выпускающий» Портал. Ну, ты сам посуди, Петров: зачем нужен «выпускающий» Портал – без «выпускающего»? Штатский бесполезный нонсенс, и не более того.

– Значит, планируете перебрасывать в Параллельный Мир – по «выпускающему» Порталу – многопрофильные диверсионно-разведывательные группы? А по «выпускающему» – усердно таскать оттуда различные ценные трофеи? В том числе, новые технологии, разнообразные артефакты-раритеты и дельных «языков»?

– Что в этом такого? – недоумённо передёрнул плечами Громов. – Работа, как работа. По крайней мере, востребованная нашей милой Родиной.... И почему, отставной майор, ты говоришь только об одном из Параллельных Миров? Мелко и пыльно мыслишь. Начнём, конечно, с одного конкретного. Апробируем, так сказать, на практике соответствующие технологии. Проработаем многоуровневые заумные методики. А после этого и к остальным Мирам и миркам внимательно присмотримся. Ну, очень пристально и внимательно. Не вопрос.

– Сколько всего – таких Миров?

– Некоторые учёные считают, что бесконечное множество.... Правда, Василич?

– Вполне может быть, – меланхолично пожав плечами, подтвердил очкарик. – Как и звёзд на небе. Как и отдельных электронов в потоке переменного тока, следующего по ЛЭП.

– Во-во. А я что говорил? Гнилые штатские штучки с за-

мороченной философской подоплёкой... Но, если применительно к этому конкретному Порталу, то можно смело говорить о семи Параллельных Мирах. Пещера в Белом холме – по словам умершего пленника – разделяется на семь коридоров, стены каждого из которых помечены широкими цветными линиями. Из нетленной серии: – «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан...». В интересующий нас Параллельный Мир ведёт подземный ход-коридор с широкой фиолетовой линией по правой стене.

– А что, или же кто, будет ждать меня на выходе из означенного коридора? – поинтересовался Егор. – Покойный успел осветить данный вопрос?

– Успел, – беззаботно зевнул генерал-лейтенант. – Ангелы будут тебя там дожидаться.

– Шутки шутим, Виталий Палыч?

– Ничуть не бывало, боец. Самый главный в том Мире – с российской стороны – Господь Бог. То есть, могущественный Властелин, правящий нашей (то есть, их), Россией. А его верные солдаты (вооружённые особо-доверенные слуги), именуются – «Ангелами».

– Покойный «засланец» тоже был Ангелом?

– Бери выше. Старшим Ангелом. То есть, солдатом-исполнителем очень высокого уровня.

– Интересное, однако, кино, – задумчиво протянул Егор. – И что мы будем делать?

– Ты будешь, – поправил въедливый Громов. – То бишь,

будешь старательно изображать из себя погибшего Старшего Ангела. Со всеми втекающими и вытекающими.

– Внешнее сходство – уже не плохо. Но как быть с информированностью? Наверняка, будут вопросы. Что отвечать на них? Что тамошнему непосредственному начальству докладывать?

– Правду, сынок. Или же нечто близкое к ней. Например, полуправду. Золотое правило опытного диверсанта – при внедрении в реальность противника.

– Противника?

– Хорошо, потенциального противника. Как-то не уверен я, что их Мир настроен – по отношению к нашему – мирно, дружелюбно и по-доброму. Старших Ангелов, понимаешь, направляют. Компьютерные диски – с неизвестным содержанием – доставляют в Тегеран.... Получается, что они в наши реалии активно вмешиваются, а мы – в их действительность – нет? Непорядок и неравенство махровое. Мутная и подозрительная история, короче говоря...

– Мутная, – согласился Егор. – Но, всё же. Что мне там рассказывать? Какую-такую – полуправду?

– Обыкновенную. То есть, полуправдивую. Мол: – «Успешно выполнил поручение-задание и, в полном соответствии со строгими служебными инструкциями, направился к «выпускающему» Порталу. Но там, абсолютно неожиданно, произошло реальное боестолкновение, сопровождавшееся перестрелкой и гранатометанием...». Вый-

дешь к встречающим Ангелам опалённым и щедро-украшенным синяками-ссадинами. Ну, и наплетёшь – семь бочек арестантов маринованных, мол: – «Дрался – как лев африканский. Три пистолетных обоймы расстрелял. Пять гранат взорвал. Отбросив в сторону бесполезный пистолет, вступил в отчаянную рукопашную схватку. Восемь здоровенных врагов положил. Но и они, отнюдь, не дремали. Накрыло взрывом вражеской гранаты. Как результат – дельная контузия. Правое ухо слышит. Левое – нет. Правый глаз видит. Левый – только частично. Ну, и с головой та же история. Тут – помню. А, вот, здесь – не очень. Отстаньте – с вашими глупостями и вопросами. Дайте передохнуть, и хотя бы чуток оклематься. Так вас всех, Ангелов, и растак. Успокоились, отошли в сторонку и замолчали. Иначе покусая, как контуженным и положено...». Ничего хитрого, короче говоря.... Всё понял, боец?

– Понял. «Включу дурочку» и отработаю по полной программе. Как и учили в своё время.... А что дальше?

– Дальше? – недовольно поморщился генерал-лейтенант. – Ответ будет стандартным и насквозь ожидаемым. Действуй, майор, сугубо по обстановке. И все дела. Бог, как известно, всегда покровительствует смелым и наглым. По крайней мере, наш Бог. Про ихнего ничего не знаю. Врать не буду. Но на лучшее – всегда стоит надеяться. Платиновое правило любого серьёзного диверсанта, настроенного вернуться на Базу живым, здоровым и, главное, с ценными тро-

феями...

Плохо ему спалось. Дрёма сплошная – отрывочная и вязкая, намертво перемешанная с отрывочными и тревожными мыслями. Мол: – «Ерунда какая-то, слегка напоминающая дешёвый провинциальный водевиль. Или же низкопробный фантастический роман, написанный на коленке. Причём, с сильнейшего и хронического похмелья. Параллельные Миры, мать их параллельную. Бред бредовый и законченный.... А, с другой стороны? С другой.... ГРУ – контора серьёзная, brutальная и не склонная к дешёвым фарсам. И генерал-лейтенант Громов, отнюдь, не клоун из затрапезного бродячего цирка. Ну, не с руки ему заниматься беззаботными и легкомысленными розыгрышами. В том плане, что и серьёзных дел хватает. В том числе, и государственной важности.... Если всё это – правда? Ну, не знаю. Санечка.... Какая она – тамошняя Санечка? Неужели, такая же? Неужели? Или.... Или же – совсем другая? По внутренней сути, имеется в виду, другая? О чём она думает? О чём мечтает? За что любит того Егора Петрова, ныне покойного? О чём они говорят (то есть, говорили), между собой? Как пройдёт наша с ней будущая встреча? Пройдёт? То есть, состоится? Обязательно состоится. Обязательно и всенепременно. Скорее бы. Скорее. Иначе.... Иначе – что? Иначе – ничего не имеет смысла. Ничего и даже меньше. Ни-че-го. Ладно, разберёмся уже на месте. Сашенька.... Так-с. А стоит ли – возвращаться на-

зад? Остаться в Параллельном Мире, да и все дела. Здесь-то меня ничего не держит. Совсем ничего. Родственников нет. Да и друзей (боевых и армейских), почти – по причине гибели – не осталось. А Санечка? Та Санечка? Ей-то за чем – менять родной Мир на другой, неизвестный? Расставаться с привычным жизненным укладом, родственниками, знакомыми и закадычными подружками? Хотя.... Хотя, тот Мир, похоже, исходя из показаний моего «параллельного» тёзки, не отличается мягкостью и нежностью. Как, впрочем, и наш.... Ладно, и с этим вопросом разберёмся. Уже на месте. Не вопрос, как любит говорить наш мордатый и бравый генерал-лейтенант...».

Наконец, пришёл долгожданный сон.

Мол, раннее погожее воскресное утро. По их квартире – целыми стаями – беззаботно бродят весёлые и шустрые солнечные зайчики.

– Милый, ты ещё не готов? – в спальню заглядывает Саня – уже причёсанная, в удобной одежде, предназначенной для дружеского пикника на природе. – Всё за своим верным ноутбуком сидишь? Ваяешь что-то?

– Ваяю, – отвечает голос Егора (как правило, мы сами себя – в собственных снах – не видим, а только слышим).

– Скоро Семёновы приедут. Будут торопить и сигналить под окнами.

– Я уже заканчиваю.

– А что ваяешь-то? – не отстаёт жена.

– Стихотворение, посвящённое Александре Петровой, капитану питерского уголовного розыска.

– Зачтёшь?

– Без вопросов. Слушай...

Девушка с огромными глазами,
Девушка прекрасная – как сон.
Иногда Ахматову читает,
Под далёкий колокольный звон.

Над судьбою Овода рыдает,
Бунин и Толстой – на книжной полке.
На гитаре Моцарта играет.
И романс поёт – светло и звонко.

А на утро – жизненная проза.
И «тэтэшку» в сумку опускает
Девушка прекрасная – как роза.
Девушка – с огромными глазами...

А на следующий день – при задержании особо-опасного преступника – она погибла.

Прошла полноценная неделя – в трудах, заботах и хлопотах. В том смысле, что в сплошных занятиях, инструктажах и тренингах.

– Самолично план подготовки составлял, – хвастался Громов. – Во-первых, Петров, тебе надо подтянуться в физи-

ческом плане. Над выносливостью следует отдельно поработать. Освежить навыки рукопашного боя.... Потом, родной, плотно пообщаешься с психологами. Мол, как следует грамотно «вживаться» в чужую реальность. Какие шаги являются первоочерёдными, а какие – насквозь нежелательными и запретными. Чего нельзя делать ни в коем случае. Как правильно задавать животрепещущие вопросы, не вызывая особых подозрений. Как вести себя – в случае, тьфу-тьфу-тьфу, конечно, нежданного провала – на жёстких допросах. Ну, и так далее, по расширенному списку.... После этого, боец, тебя проинструктирует Верунчик. То бишь, подробно расскажет о том, как ведут себя контуженые индивидуумы, страдающие частичной потерей памяти. Симптомы там всякие, то, да сё. Ну, и дополнительно обучит разным полезным штуковинам. Например, симуляции нервных и эпилептических припадков. Так, чисто на всякий пожарный случай.... А в качестве финального аккорда твоим поджарым и мускулистым телом займутся опытные гримёры – чтобы оно полностью «соответствовало» телу покойного «двойника». На предмет всяких там приметных шрамов, веснушек и родимых пятен, я имею в виду.... Вопросы?

– Да нет, в общем-то, вопросов, – проямлил Егор. – Понятно всё. В общем-то...

– А что тогда – есть? Сомнения присутствуют?

– Не то – чтобы. Так, ерунда...

– Ну-ну, – прозорливо прищурился генерал-лейтенант. –

Мысли всякие, небось, в забубённой головушке бродят? Мол: – «А стоит ли – возвращаться назад? И чего ради – заморачиваться?». Да не смущайся ты, майор. Дело-то насквозь житейское.... Ты же у нас – сирота?

– Круглый. Родители – очень-очень давно – погибли в автомобильной катастрофе. Дедушки-бабушки умерли от старости. А младший брат Лёха – пять лет тому назад – пропал без вести.

– Слышал об этом досадном происшествии.... Там, кажется, проводилось какое-то модное реалити-шоу?

– Снега, снега...

– Не понял?

– Так называлось реалити-шоу – «Снега, снега»², – печально вздохнув, пояснил Егор. – Неужели не смотрели по телеку? Ах, да. Большая загруженность делами шпионскими. Не до ерунды, ясен пень.... Рассказываю. Это Константин Ёпрст, Генеральный директор Первого телевизионного канала, придумал. Мол, проводить реалити-шоу «Жестокие игры» в Аргентине – хлопотно и накладно. Да ещё и за лицензию надо валютой платить. Вот, он и организовал аналогичное мероприятие в Сибири, с зимним, понятное дело, уклоном-акцентом. Причём, непосредственно на месте падения знаменитого Тунгусского метеорита.

– Зачем – на месте падения? – непонимающе нахмурился Громов. – В чём тут фишка?

---

² «Снега, снега» – первый роман серии «Параллельные Миры».

– Нельзя в таких делах – без бренда. Так мне, по крайней мере, объяснял брат Лёха, который тогда состоял при Ёпрсте в качестве заместителя по общим вопросам. А «Тунгусский метеорит» – крепкий бренд. Даже международного уровня-масштаба. В том смысле, что про него знают во всём Мире. То бишь, в «нашем» Мире.... Итак, Первый канал оформил на «Снега, снега» все необходимые авторские права. По международным стандартам и канонам, понятное дело. Отстроил, вложившись приличной денежкой, крепкую инфраструктуру – на месте проведения будущего мероприятия. То есть, вертолётные площадки, комфортабельные жилые дома, пресс-центр и парочку приличных ресторанчиков. Оборудовал «городок» для проведения запланированных соревнований и дельные площадки для телеоператоров. Привлёк зарубежных партнёров, отечественных спонсоров и заинтересованных крупных рекламодателей. Короче говоря, всё было по-взрослому...

– Ну, а дальше? Как Алексей без вести пропал-то?

– Так и пропал. Непосредственно во время проведения первых соревнований реалити-шоу.... Наступила суровая сибирская зима. Навалило пару метров белого и пушистого снега. Участники мероприятия (в том числе, и зарубежные), а также телевизионщики и представители прессы съехались-слетелись на заранее оговорённые места. Начались сами соревнования: гонки на снегоходах, прохождение через «падающих» Идолов, поиск в глубоком снегу – с помощью

стандартных миноискателей – кусков железа (подразумевалось – осколков Тунгусского метеорита), поедание походной каши с тушёнкой на скорость, что-то там ещё.... Одна из участниц реалити-шоу перебиралась по узкому мостику без перил через овраг, заваленный – примерно на три метра – снегом. Поскользнулась и, потеряв равновесие, упала вниз. Свалилась и всё: ни тебе шевелений, ни попыток выбраться. Лишь круглая дырка в белом снегу чернеет.... Алексей в это время находился в вертолёте вместе с телеоператорами и видел момент падения. Естественно, он забеспокоился, мол: – «Что случилось? Почему девушка не подаёт признаков жизни? Может, ударилась при падении головой о камень?». А после этого дал вертолётчикам команду на снижение. Вертолёт завис – в двух метрах – над местом падения барышни. Лёха, не раздумывая, сиганул вниз, в снег. Сиганул и пропал...

– То есть?

– Совсем пропал, – расстроенно шмыгнул носом Егор. – С концами. И он, и упавшая девица. Кстати, невеста Ёпрста и начинающая актриса-певичка.... Через некоторое время к оврагу, как и полагается, прибыли спасатели с лопатами и раскопали там всё – до самой земли. Но никого и ничего не нашли. Только старые лосиные кости.

– Нестандартная, надо признать, история, – удивлённо покачал головой генерал-лейтенант. – И какие версии высказывались по поводу данного «двойного» исчезновения?

– В основном, глупые и дурацкие. Сперва журналисты решили, что имеет место быть элементарная мистификация. Мол, хитрый и прожжённый Ёпрст решил таким образом добавить популярности своему детищу – в плане роста рейтингов. То бишь, в глубоком снегу был заранее выкопан специальный коридор, по которому мой брат и невеста Ёпрста успешно выбрались в укромное и безопасное место. А потом, когда интрига разгорится до самых небес, они непременно объявятся и расскажут – доверчивым телезрителям – какую-нибудь умопомрачительную историю о своих невероятных приключениях. Типа – обычная телевизионная практика в конкурентной борьбе за богатеньких рекламодателей.... Но время шло, а никто так и не объявился. Тогда родилась другая версия. Мол, коридор в снегу, конечно же, был, только выкопал его «снежный человек», о существовании которого так любят рассказывать узкоглазые тунгусы. Или же какое-то другое, насквозь аналогичное чудище.... Ведь, обглоданные лосиные кости нашлись? Вот, значит, и чудище существует. Сидело себе под снегом и добычу сторожило. А потом убило двух свалившихся ему на голову людишек, да и уволокло – куда подальше. Например, в логово родимое.... Да и все остальные предположения, выдвинутые пишущей братией, были сродни этим двум. То есть, за уши притянутыми и насквозь надуманными...

– Сам-то что думаешь?

– Сам? – задумчиво взлохматил волосы на затылке Егор. –

Лично мне приглянулась версия, высказанная одним пожилым уфологом из Новосибирска. Ну, это такие учёные, которые изучают НЛО и прочие паранормальные явления. Так вот, старик высказался примерно следующим образом, мол: – «Магнитные аномалии, как известно, провоцируются Солнцем. Вернее, аномальным изменением его активности. В результате – в момент особо значимых магнитных аномалий – наша старенькая планета «замирает». Например, на час с хвостиком. А в момент «отмирания» изначальный Мир разделяется на два. Первый развивается дальше так, как будто ничего не произошло. Второй же – с учётом «украденного» часа. То есть, те люди, которых могли убить за этот час, остаются в живых. А те, которых должны были зачать, и вовсе, никогда не рождаются. Но планета, ведь, может «замереть» и на более солидный временной период.... То бишь, магнитные аномалии, отнюдь, не редкость. Вот и разнообразных Параллельных Миров, судя по всему, образовалось достаточно много. И все они развиваются по собственным законам, сценариям и правилам, поэтому – зачастую – отличаются друг от друга.... Миры же – в свою очередь – «находятся» друг от друга достаточно близко. Между ними – время от времени – возникают своеобразные «колодцы», в которые люди и «проваливаются». А для места, где в далёком 1908-ом году упал Тунгусский метеорит, и характерны, как раз, регулярные и достаточно-сильные магнитные аномалии. Следовательно, можно смело предположить, что Алек-

сей Петров и Мариночка Сомова попали именно в такой «колодец». То есть, «провалились» в один из Параллельных Миров...».

– Значит, братец, это у вас семейное – путешествовать по загадочным Параллельным Мирам? – коротко хохотнул Громов. – Да, не обижайся ты. Не обижайся, чудило штатское. Пошутил я. Хотя, как известно, в каждой шутке содержится только доля шутки. Тем более, в генеральской.... Теперь по поводу – вернёшься ты, или же не вернёшься. Не думаю, что тебе захочется задержаться в том Мире. Не думаю.... С чего я так решил? А исходя из рассказов «параллельного» Егора Петрова. Суровый там Мир. Очень суровый, жёсткий и мрачный.... Ты же, майор, ознакомился с записями допроса своего «двойника»?

– Пока сюда добирались, пару раз прослушал.

– Ну, и каковы главные отличия нашего брэнного Мира от того, параллельного?

– Главные? – задумался Егор. – Попробую, конечно, сформулировать. Если получится.... Можно предположить, что до наступления двадцатого века тот Мир развивался точно так же, как и наш. А если вспомнить лекцию пожилого уфолога.... Что, если это и произошло в приснопамятном 1908-ом году? На нашу Землю упал Тунгусский метеорит. Вследствие этого образовались серьёзные аномалии в геомагнитном планетарном поле. Планета (да и Время), «замерла». И – в конечном итоге – от нашего Мира «отпочковался» Мир но-

вый. Так сказать, «дополнительный». Версия, как версия.... Основные отличия? Они, как раз и в первую очередь, касаются России. Там тоже произошла Октябрьская революция, только в Гражданской войне победили не «красные», а, наоборот, «белые». Поэтому в тамошней России до сих пор царит, как ни в чём не бывало, самодержавие. То есть, в ней продолжает править династия Романовых. Но репрессии в тридцатых-сороковых годах были. Как и Вторая мировая война, ядерные взрывы в Хиросиме и Нагасаки, ну, и так далее.... Суровость современного правящего режима? Да, имеет место быть. Широчайшим образом применяется смертная казнь. Телесные наказания – самое обычное дело. Осуществляются – практически без перерывов и пауз – поиск и выявление инакомыслящих персон. Одну кампанию комплексных репрессий сменяет другая – не менее комплексная и вдумчивая. Император Николай Третий объявил себя Господом Богом. То есть, не «Помазанником Божиим», а «Живым Воплощением Господа Бога на Земле». Более того, ходят упорные слухи, что скоро будет возвращено и «крепостное право».... Да, симпатичного, честно говоря, маловато. Трудно спорить.

– Вот, и я о том же самом толкую.... Кстати, про братьев. У «ихнего» Егора Петрова тоже был младший брат по имени – «Алексей». И он точно также – примерно пять лет тому назад – пропал без вести, отправившись в научную экспедицию на Тянь-Шань. Очередное знаковое совпадение, мать его...

Вертолёт приземлился примерно в двухстах пятидесяти метрах от подножия крайнего Белого холма.

– Добро пожаловать в пустыню Такла-Макан, – торжественно объявил Громов. – Прошу любить и жаловать. Подхватили, бойцы, вещички, и оперативно прошли на выход. Не теряем времени...

Они выбрались из вертолёта.

«Вполне даже приличное местечко», – с любопытством оглядевшись по сторонам, решил Егор. – «На востоке скромно теплится ало-розовая нитка зари. На северо-западе прихотливо змеится и изгибается светло-серая речная лента. Голубое бездонное небо над головой, в котором – почти неподвижно – висят крохотные тёмные точки. Это, надо полагать, могучие беркуты, высматривающие добычу. Тёплый ветерок ласково перебирает волосы на голове. Совсем рядом – светло-жёлтые холмы с редкими белоснежными прослойками. На склоне крайнего таинственно чернеет прямоугольная дыра. То есть, искомая пещера, ведущая в хваленые Параллельные Миры. Несколько стандартных пятнистых армейских палаток. Достаточно обычный и невинный пейзаж, короче говоря. Абсолютно ничего страшного и угрожающего.... Да и пахнет здесь просто замечательно – свежестью, колодезной водой и безграничной свободой. Гораздо больше напоминает классическую российскую степь, чем знойную и безжалостную пустыню. Даже буро-зелёная травка наличие

ствуется по подножию Белого «пещерного» холма.... Температура окружающего воздуха? На уровне двадцати двух-трёх градусов. Не выше...

– Обманчивое впечатление, – лениво зевнув, в очередной раз продемонстрировал свою прозорливость генерал-лейтенант. – Скоро взойдёт солнышко, тут оно и начнётся. Самое натуральное пекло, я имею в виду. Уже через полтора часа навалится сорокоградусная жара. И ветерок непременно преобразуется – из ласкового и приветливого – в жёсткий и колючий. Что называется, не приведи Бог.... Ага, начальник стационарного поста к нам торопится...

От пятнистых армейских палаток к вертолёту бежал, ловко придерживая ладонью правой руки полевой планшет, широкоплечий «камуфляжник» с «Калашниковым» за спиной. Не добежав до вновь прибывших пять-шесть метров, он остановился и, приняв положение «смирно», приступил к докладу:

– Господин генерал-лейтенант! Пост функционирует в штатном режиме! Никаких происшествий не зафиксировано...

– Отставить, капитан, – небрежно махнув рукой, перебил Громов. – Не зафиксировано – и этого вполне достаточно.... Проводи-ка майора Петрова в палатку. Пусть переоденется, – снял с плеча брезентовый вещмешок и, протянув его Егору, пояснил: – В нём находится обувь-одежда покойного «засланца», включая исподнее. Смело одевай, всё тщатель-

но продезинфицировано. Причём, так продезинфицировано, чтобы гарь и копоть остались на месте. И с отверстиями от пуль успешно разобрались: одни ликвидировали, другие, наоборот, расширили.... Ну, чего застыл столбом соляным?

– Так, это.... Был же разговор – про синяки и всякие там ссадины. Например, про оставленные шальными пулями, прошедшими по касательной...

– Всё будет, боец. Не сомневайся. И ссадины. И качественные-качественные синяки-фингалы.

– Толстой доской бить будете? – зябко передёрнул плечами Егор.

– Прапорщик Осадчая!

– Я! – браво вытянулась в струнку шатенка.

– Объясни всё клиенту.

– Есть! Не будет, господин майор, досок. Обойдёмся профильными химическими препаратами. Один укол – один синяк.... А со следами от пуль и прочими ссадинами – сложнее. Здесь без специальных хирургических щипцов не обойтись. Извините, но достоверность в таких делах очень важна.... Но не бойтесь, больно не будет. Или почти не будет. Скушаете парочку сладеньких пилюль, снижающих болевые ощущения, и все дела. Да и кровь я вам потом остановлю, словно бы она – сама по себе – уже запеклась.

– Всё понял и пошёл переодеваться...

– Стой, отставной майор, – велел генерал-лейтенант. – Вот, держи, – протянул светлую овальную бляху, украшен-

ную изображением скачущего куда-то всадника. – Это – служебный жетон Странника, изъятый при задержании у твоего «параллельного аналога».... Кто такие – Странники? Это, как я понимаю, те ребята, которые и шастают – почём зря – по Параллельным Мирам. Получается, что и ты теперь – Странник.... Вот, ещё крестик нательный покойного. Православный и золотой. Наверное, фамильный. Смело носи, боец. И фонарик, принадлежавший «засланцу», бери. Твой он теперь. Пользуйся...

Егор, подсвечивая себе карманным фонариком, неторопливо шагал по пещере и негромко бормотал под нос:

– А Верунчик-то – садистка идейная и законченная. Так меня своими щипчиками отделала. Дрянь хладнокровная и кровожадная. Мымра шатенистая.... Не, там, на земной поверхности, было совсем даже и не больно. А сейчас, похоже, действие обезболивающих таблеток заканчивается. Так щиплет и саднит – мама не горюй.... А это, интересно, что ещё такое?

Он вышел в просторный подземный зал с высоченным сводчатым потолком и, передвигаясь вдоль стен по периметру, принялся вслух (для пущей бодрости духа), комментировать увиденное:

– Светло здесь, даже фонарик не нужен. Выключу, пожалуй. Экономия, как известно, должна быть экономной.... Откуда исходит свет? А от светло-жёлтых прослоек-прожил-

ков неизвестной горной породы, щедро покрывающих стены этого помещения. Идеально-гладкие стены и, попрошу заметить, с рисунками. Вернее, с самым настоящим высокохудожественным панно, выполненным в стиле изощрённого фэнтези.... Как же это они умудрились сделать? Создаётся устойчивое впечатление, что все эти милые картинки нарисованы «изнутри». Или же – снаружи, а потом тщательно покрыты очень толстым слоем идеально-прозрачного лака.... А техника рисунков какая, мать моя женщина-красавица. Современные художники обзавидуются. Каждая деталь старательно прописана, основные пропорции тщательно соблюдены.... Сюжеты? Пожалуй, все эти занимательные картинки и рисунки можно – условно и приблизительно – разделить на три большие группы. Первая – разнообразные птицы и животные. Даже знакомые изредка встречаются: благородные олени с узорчатыми рогами, чёрно-белые аисты, полосатые тигры, длиннющие ящерицы, коварные змеи.... Вот, явно – мамонт: торопится куда-то по своим делам неотложным, а это – упитанная саблезубая тигрица с двумя крохотными тигрятами вышла на променад. Впрочем, и откровенной экзотики хватает: голенастый орёл с двумя сонными головами, пятнистые лошади, только вместо копыт – мощные лапы с длинными острыми когтями, волки с головами очковой кобры, драконы огнедышащие – в немалом ассортименте.... Вторая группа – сплошные воинские баталии. Высокие люди европейской внешности, в непривычных глазу воинских до-

спехах, сражаются с какими-то плечистыми гномами, с приземистыми кентаврами, с другими людьми, восседающими верхом на огромных остроухих волках. Тут и там мелькают вполне узнаваемые персонажи: хоббиты, орки, тролли, эльфы, иные всякие.... Но третья группа рисунков, несомненно, самая интересная, неожиданная и интригующая. Её основу составляют космические корабли: и классические ракеты, и летающие плоские «тарелки», и пирамиды – трёхгранные, с работающими двигателями, закреплёнными под их основаниями. Правда, попадаетесь техника и попроще: автомобили различного предназначения, самолёты – большие и маленькие, воздушные шары, даже двух- и трёхколёсные велосипеды.... Охрентельная и удивительная живопись, короче говоря. А ещё и весьма познавательная.... Ага, вот и коридоры, ведущие – предположительно – в загадочные и таинственные Параллельные Миры. Раз, два, три..., всего семь штук, как мой покойный «аналог» и рассказывал. И где же она, фиолетовая полоса на стене? Красная.... Оранжевая.... Жёлтая.... Зелёная.... Голубая.... Синяя.... Фиолетовая.... Всё, как и полагается.... Стоп, а где же подземный коридор, по которому я пришёл сюда? А нету коридорчика. Пропал, исчез, растворился, испарился. Это, наверное, любезная подсказка такая, мол: – «Обратной дороги, извини, нет. По крайней мере, по этой пещере....». Усвоил, не дурак. Нет, так нет. Перетерпим. Двигаемся дальше. Вдоль каменной стены с широкой фиолетовой линией, понятное дело...

Через сорок пять минут впереди призывно замаячил светлый прямоугольник.

— Так называемый «Свет в конце туннеля», — выжидательно усмехнулся Егор. — Ну-ну, сейчас взглянем — как и что.... Голоса какие-то? Или же кажется? Точно, поют что-то. Суровые такие голоса, с откровенно злыми и воинственными нотками...

Он продолжил размеренно шагать в сторону светлого прямоугольника, растущего прямо на глазах, и вскоре уже смог разобрать слова странной песни:

Соткана ткань.

Светло-серая, как осенняя туча.

Ты погиб, а над землёй — туман.

Кому-то стало лучше?

Окропим ткань кровью.

Чтобы известить о гибели храбрых воинов.

Туман дышит новью.

А кровь — дождики смоят.

Мы плотную ткань сплели

Из кишок человеческих.

Когда запели голосистые соловьи,

На рассвете, над чистой речкой.

Ткацкий станок — из черепов.

Гребень железный нагрет свечами.

А ткань, чтобы слоилась чередой,

Мы подобьем – мечами.

Каждую ночь мы ткём и ткём
Стяг боевой для мёртвого конунга.
Ткём ночью, рыдаем днём.
Залебенели сердца от замогильного холода.
И, наконец, мы выткали
Наш стяг боевой.
Головы мертвецов поникли
И умылись – росой...

Глава четвёртая

Или это – колокольчик?

Голоса смолкли.

Трижды сплюнув через левое плечо, Егор вышел из пещеры и невольно зажмурился: яркие солнечные лучи били прямо в глаза.

Сзади послышался едва слышный тревожный писк, он, отпрыгнув в сторону, тревожно обернулся и удивлённо прокомментировал про себя: – «Нет больше никакой пещеры. Только что была, но вся вышла.... А что тогда есть? Чёрный прямоугольник базальта, вкраплённый в горное поле светло-серого габбро-диабазы. Вот, оказывается, что означает, мол, Портал работает только «на выход». Наверное, это очень впечатляюще смотрится со стороны, когда из самой натуральной каменной скалы «вылезает» – на свет Божий – человек...».

Егор, предусмотрительно прикрыв глаза ладонью, повертел головой по сторонам и заторможено (голова – после Верочкиных щипцов и таблеток – слегка гудела), отметил: – «Десять рослых мужчин в странном камуфляже и с короткоствольными автоматами за плечами застыли, выстроившись в ряд, в сторонке.... В странном камуфляже? Это точно: тёмно-аметистовые пятна неправильной формы на светло-сире-

невом фоне. Нетипичная, одним словом, картинка. Ну-ну, бывает, конечно. В каждой избушке – свои погремушки.... Застыли? То бишь, увидев меня, тут же приняли положение «смирно» и преданно, даже с долей трусливого подобострастия, поедают глазами. Может, они (Ангелы?), ждут моего командирского приказа? Или же разрешения? Подождут, деятели пятнистые, никуда не денутся. С армейской дисциплиной, похоже, здесь всё в полном порядке. И это просто замечательно.... Что тут у нас ещё? Это, явно, не пустыня. Вокруг произрастает молоденький смешанный лес. А на кривых и чахлах сосёнках – между прошлогодними тонкими ветками – наблюдаются какие-то странные чёрные «почки». Уродливые и слегка вытянутые.... Мутация? Почему бы, собственно, и нет.... А вообще, я сейчас стою на склоне какой-то...э-э-э.... Гигантской чаши? То есть, на склоне кратера древнего-древнего вулкана? Вполне даже жизненная версия. Вполне.... Вода шумит? Точно, примерно в полукилометре отсюда – слева, в светло-серых ребристых скалах – наблюдается шикарный каскадный водопад.... И с правой стороны – однозначно-величественная картинка: на земле – до самого горизонта – лежат толстые, абсолютно-белые стволы деревьев, размещённые по гигантским окружностям и своими вывороченными корневищами направленные в сторону единого, невидимого глазу центра.... Хм. Может, именно здесь (например, в 1908-ом году), грохнулся Тунгусский метеорит? Здешний Тунгусский метеорит, я имею в виду?

Ни капли не удивлюсь, если это так.... И у них здесь, похоже, июнь месяц на дворе. Нормальный вариант...»

Завершив обзор местности, он властно махнул рукой в сторону сиренево-фиолетовых «камуфляжников».

Через минуту к нему подбежал высоченный облом с физиономией идейного убийцы и, резко остановившись, зачастил – возбуждённым и слегка взволнованным голосом:

– Господин Старший Ангел, что с вами? Вы ранены? Вся одежда испачкана в крови. И лицо – бледно-бледное, почти белое...

«Определённо – знакомая морда. Мелькала уже где-то и когда-то», – пробежали в голове шустрые мысли. – «Где и когда? М-м-м.... Ага, вспомнил. Ещё в том, прежнем Мире, мелькала. Мы тогда с Сашенькой, находясь в отпусках, поехали на знаменитое озеро Байкал. Стоял тёплый месяц август. Славно так отдохнули, омуля вволю половили, грибами и ягодами объелись. А ещё и с местными рыбаками-браконьерами познакомились. Одного из них (с точно такой же зверской физиономией), звали – «Василий Васильевич Хазов». Славный такой был парнишка, душевный, очень разговорчивый и с чувством юмора. Рыбацкие байки и анекдоты травил – не хочешь, а заслушаешься.... Может, это его здешний «аналог»? Проверим, не вопрос.... О чём он там спрашивает? Ранами интересуется?».

– Ерунда ерундовая, – небрежно отмахнулся Егор. – Царапины сплошные и не серьёзные. Заживут – как на дворо-

вой беспородной собаке. Только, вот, голова..., – слегка пошатнулся. – Граната рванула буквально-таки в пяти метрах от меня. Похоже, контузило....

– Кто же напал на вас, господин Старший Ангел?

– Не знаю. Может, тамошние спецслужбы. Но, скорее всего, обычные авантюристы. То есть, жадные охотники за старинными кладами-артефактами. «Чёрные археологи», по ихнему. Как бы там не было, но всех гадов застрелил. Трупы сбросил в ближайший глубокий овраг, а потом забросал песком, камнями и сухими ветками.... А ты кто, боец?

– Как это – кто? Шутить изволите?

– Какие, уж, тут шутки. Говорю же, мол, контузило. В голове – туман плотный и сплошной. Помню, как из ихнего иранского Тегерана вылетал. Дальше – пелена серо-белая и вязкая. Жену свою помню, Александру Ивановну. А, вот, юность собственную – напрочь забыл. И твоего имени, боец, извини, но не помню. Хотя, физиономия, безусловно, знакомая. И фамилия, кажется, начинается на русскую букву – «Ха».

– Частичная амнезия. Бывает, – понятливо и жалостливо вздохнул звероподобный облом. – Ничего, зачастую память, говорят, возвращается.... А я – Вася Хазов. Мы с вами вместе в Санкт-Петербургской Академии Ангелов обучались. Только я – на два курса младше.

– Точно. Василий Васильевич Хазов. Вспомнил.

– В Иркутск вам надо, сиятельный граф. В наш профиль-

ный госпиталь. Пусть профессора и доценты всякие осмострят...

«Граф?», – мысленно усмехнулся Егор. – «Мой «двойник», конечно, говорил на допросе, что является потомственным дворянином. Но – «сиятельный граф»? Однако. А моя Сашенька, выходит, «сиятельная графиня»? Приятно, конечно. Социально-правовой сюрприз, что называется, удался на славу...».

Вслух же он произнёс иное:

– Отменяется – Иркутск. Мне в столицу надо. Очень срочно и позарез. Поэтому ограничимся элементарной перевязкой ран и ссадин. Зови, Вася, доктора.

– Доктора? – удивился Хазов. – Все доктора – они в больницах и госпиталях трудятся. А у нас каждый Ангел проходит стандартную врачебную подготовку.... Ах, да, контузия же у вас. Простите, граф. Я сейчас, только необходимые медикаменты принесу.

– И попить чего-нибудь прихвати.

– У нас только квас. Как и полагается.

– Тащи. Не вопрос...

Вернувшись с тёмно-коричневым кожаным медицинским саквояжем в руках и с алюминиевой пол-литровой банкой кваса в боковом кармане пятнистой камуфляжной куртки, Хазов объявил:

– Только, господин Старший Ангел, вам придётся раз-

даться до пояса.

– Надо, значит, надо. Только, вот, несподручно.

– Разрешите – подсоблю?

– Разрешаю...

Через полчаса все раны-ссадины были тщательно продезинфицированы и умело перевязаны.

– Спасибо, Вася, – бережно укладывая перебинтованную левую руку, знатно повреждённую Верочкиными хирургическими щипцами, в удобную перевязь, переброшенную через голову, поблагодарил Егор, а после этого напомнил: – Мне в Санкт-Петербург надо. Да и чистая незакопчённая одежда без пулевых отметин будет нелишней.

– Дык, это..., – замялся Хазов. – Нет никаких проблем. Ваша личная вимана, господин Старший Ангел, к полёту готова. Как и всегда. Её к нам ещё позавчера перегнали. То есть, она сама прибыла, в автоматическом режиме. Да и ваш гардероб там же находится.

– Вимана? Ах, да. Конечно же. Вимана. Что же ещё.... А где, Василий, она припаркована? Запомнил.... Покажи, пожалуйста.

– Следуйте за мной, высокородный и сиятельный господин граф. Здесь совсем недалеко...

Они шагали по узкой горной лощине, прихотливо змеящейся среди низеньких холмов, поросших смешанным редколесьем, и Егор несуетливо рассуждал про себя: – «Нормально, в принципе, прошло плановое «внедрение». Вернее,

его первый, сугубо начальный этап. Не без досадных накладок, конечно же. Но, ведь, могло быть и хуже. Это я, тьфу-тьфу-тьфу, про возможное разоблачение и незамедлительный арест. А так-то что. Поболтал немного, послушал, получил квалифицированную медицинскую помощь, кваса попил. Отличный, между прочим, квас. Натуральный, забористый, шипучий и без всякой химии.... А, вот, расслабляться пока не стоит. Рановато. Взять, к примеру, ту же – «виману». Что это, собственно говоря, такое? Про неё мой «параллельный аналог» ни слова не сказал. Впрочем, его про виманы и не спрашивали, так как ничего не знали про их существование.... Понятное дело, что речь идёт о неких летательных аппаратах, раз – «ваша личная вимана к полёту готова...». «Личная» это, безусловно, хорошо. А прилагается ли к ней личный пилот с крепким практическим опытом? Вот, в чём вопрос.... Ага, лощина резко поворачивает. То есть, повернув, упирается в местный аэродром: круглая поляна диаметром свыше трёхсот метров, на которой расположились...э-э-э.... Две серебристые «летающие тарелки»? Хм. Два серебристых дисколёта, чего уж там. В нашем Мире над их созданием тоже активно работали, а потом все наработки – по неизвестным мне причинам – «заморозили» на неопределённое время. А здесь, получается, довели-таки дело до конца. То есть, до успешных промышленных образцов. Молодцы.... Один дисколёт – цельный диск, монолитный и большой, диаметром в районе тридцати пяти метров. Вто-

рой – гораздо меньше, раза, наверное, в три. Да и конструкция совсем другая: широкое светлое кольцо (на трёх коротких телескопических «ножках»), из которого выступает более тёмная куполообразная выпуклость. Кабина для экипажа и пассажиров, надо понимать. А также наличествует узкая лесенка, огибающая кольцо и ведущая к кабине.... Подключаем логику. Маленький дисколёт, скорее всего, и является моей «личной графской виманой». Ага, так и есть. Василий направляется к более мелкому летательному аппарату...».

Они остановились, не дойдя до виманы несколько метров.

– Совсем забыл спросить, – легкомысленно улыбнулся Егор. – Когда я вышел из Портала, ты с бойцами песенку какую-то распевал. Вдохновенно так, со старанием и прилежанием.... Что это такое было?

– Дык, это, репетировали, – в очередной раз засмутился Хазов. – То есть, выполняли ваш строгий приказ.

– Мой приказ?

– Так точно.

– Напомни-ка, боец.

– Когда вы, Ваше сиятельство, посещали нас в прошлый раз, то строго-настрого велели, мол: – «Дурака не валять, а, находясь на посту, без усталости репетировать – один раз в два часа – «Песнь Валькирий». Усердно репетировать...». Ну, мы и старались...

– «Песнь Валькирий»? – переспросил Егор. – Интересно.... А что это такое? И зачем?

– Дык, граф.... Это – ваше собственное сочинение. Написано к грядущему пятидесятилетию Великого князя Константина Петровича, которое состоится через два с половиной месяца. После официальных праздничных мероприятий в столице, как обещают, Великий князь прилетит в наш провинциальный Иркутск. Будем торжественно поздравлять. Каждая «ангельская» часть готовит свой концертный номер. От нас будет – «Песнь Валькирий». Вот...

«Получается, что мой здешний «аналог» тоже баловался стишками», – отметил Егор. – «Нормальный вариант. То есть, очередное знаковое «совпадение». А, вот, личного пилота нигде не видно. Плохо это. Однозначно, блин горелый, плохо.... Кстати, присутствует ещё одна – сугубо очередная – странность. Моя левая рука явно находится в нерабочем состоянии, но провожатого Ангела это печальное обстоятельство ничуть не смущает. Почему? Может, для управления виманой и не требуется особых навыков?».

– Что-то случилось? – забеспокоился Хазов. – Почему, граф, вы молчите? Мы плохо пели? Фальшивили?

– Ни капли. Даже понравилось. Молодцы, хвалю.... Василий, мне же ещё надо облачиться в приличную одежду.

– Дык....

– Что – дык?

– Только вы, господин Старший Ангел, можете пройти в эту виману. А мне даже с вами не положено. Инструкции. Выберите в гардеробе подходящую одежду и обувь. Сбросьте

её вниз. Сами спуститесь. А я помогу вам переодеться.

– Хорошо, так и сделаем...

Егор поднялся по лестнице и в недоумении остановился: судя по тёмно-серому прямоугольному контуру, дверка, ведущая в кабину, имелась, только ручка на ней отсутствовала.

– Ладонь свою наложите на входную панель, – подсказал снизу голос Хазова. – Она и откроется...

«Вот, я и попался», – тревожно зашелестело в голове. – «Практически разоблачён, так его и растак.... Что там наш Васятка? Автомат, содрав с плеча, ещё не привёл в рабочее положение? Пока, слава Богу, нет. Видимо выжидает, морда неандертальская.... Что теперь делать? Может, изобразить нервный припадок? То бишь, скатиться по лесенке вниз и, закатив глаза, забиться в отчаянных конвульсиях? Нормальная такая тема...».

Он, наспех прокрутив в голове последние Верочкины представления, медленно приложил ладонь правой руки к тёплой серебристой поверхности. Приложил, примериваясь – как бы половчее упасть и, сгруппировавшись, скатиться по лесенке.

Раздался тоненький-тоненький писк, и дверка, слегка задвинувшись внутрь и плавно отойдя в сторону, «утонула» в поверхности кабины.

«Знатное и спасительное совпадение», – подумал Егор. – «И «картинки» ладошек у нас с «двойником» совпали. Для хитрована Палыча это будет отличной новостью. В том смыс-

ле, что тут же начнёт – по субботам в гости к барышням не ходи – старательно разрабатывать далеко-идущие стратегические планы...».

Он, радостно помахав Хазову рукой, прошёл внутрь кабины. Дверка – почти бесшумно – тут же встала на прежнее место, и, одновременно с этим, вокруг стало очень светло.

«Уютненько, однако», – с интересом оглядевшись по сторонам, отметил Егор. – «Длинные светло-сиреневые плафоны мягко светятся под потолком. Этакая кабина-студия. Находясь здесь, можно и полноценно отдыхать, и управлять летательным аппаратом. В нашем Море существуют «дома на колёсах», а в этом, получается, «дома на дисках».... У кабины, естественно, четыре стены, только они не...э-э-э, не прямые, а слегка...м-м-м, выгнутые. Причём...э-э-э, сразу в двух измерениях. Да, с геометрией я никогда не был дружен, даже в средней школе.... Что ещё? Справа от входной дверки расположился небольшой, но очень аккуратный иконостас. Все иконы – визуально – очень древние. Имеется широкая кровать с белоснежной подушкой и узорчатым атласным покрывалом. Столик с чёрным компактным ноутбуком. Туалетный столик с зеркалом и всякими баночками, флаконами, тюбиками и расчёсками. Просто столик, видимо, обеденный. Кресло тёмно-бордовой кожи на колёсиках. Стулья. Встроенные: книжный и гардеробный шкафы, узкий буфет, холодильник и минибар. Деревянная дверка, ведущая в туалетную комнату. Ну, и конечно, – во всю дальнюю сте-

ну – пульт управления дисколётом: кнопочки, тумблеры, индикаторы со стрелками, лампочки (естественно, тёмные, не включённые), и энное количество разноразмерных мониторных экранов и экранчиков.... По центру пульта – между двумя прямоугольными экранами – закреплён поясной портрет пожилого солидного мужчины: спокойные водянистые глаза, характерная бородка, военный мундир с многочисленными разноцветными орденскими лентами, светло-неоновый нимб над головой. Вот, ты какой, Николая Петрович Романов, действующий российский Император Николай Третий.... На низенькой прикроватной тумбочке разместилась скромная деревянная рамочка на латунной подставке. А в рамочке – цветная фотография. Это же.... Это же – она! Александра, Санечка, Шурочка, Сашенька. В умопомрачительном бальном платье с оголёнными точёными плечами. Брильянтовое кольцо на длинной стройной шее. Она. Её глаза – огромные, лучистые и чуть шальные. Она...».

– Ура! Ура! Ура! – окончательно потеряв голову, что есть мочи, завопил Егор. – Она! Ура! Она! Ура! – впрочем, очень быстро он успокоился и даже – тихим злым шёпотом – пожурил сам себя: – Мальчишка сопливый и не в меру впечатлительный. Что ещё за бестолковые эмоции? Их следует отложить – на потом-потом-потом. До лучших времён. Тем более что внизу Хазов ждёт...

Гардеробный шкаф, как и водится, состоял из трёх отделений: бельёвого, обувного и костюмного.

«Сменить трусы и носки?», – задумался Егор. – «Типа – при помощи Василия и на правах Старшего Ангела? Да, ну. И неудобно слегка, да и излишне нагнать не стоит. Обойдусь, пожалуй. ... Обувь? Подберу в самый последний момент. ... Костюмы. Наличается аж четыре штуки. Первый – светло-салатный, пошитый из гладкой и достаточно-тонкой ткани, откровенно-курортного фасона. Нет, не годится. Ни к чему мне нынче такой легкомысленный вид. ... Второй – угольно-чёрный и, скорее всего, официальный. В таком можно пойти как на похороны, так и на работу в гражданский офис. Но ни туда и ни туда я пока, к счастью, не собираюсь. Третий – парадный военный мундир, пошитый из тёмно-синей плотной ткани с тоненькими золотыми нитями, украшенный разлапистыми орденами и золотисто-серебряными аксельбантами³. Погоны симпатичные: благородный платиновый фон с широкой ярко-красной полосой, на которой – на каждом погончике – закреплено по два золотых ангела с крылышками. Интересно, а в каком воинском звании я состою? Старший Ангел? Или же, если в строго-официальном порядке, как-то иначе? Надо будет потом обязательно прояснить. Впрочем, мундир – для текущей ситуации – в любом раскладе является излишне-пафосным. ... Что-там у нас – четвёртое? Ага, фиолетово-сиреневый камуфляж. То бишь, здешняя во-

---

³ Аксельбант – наплечный отличительный предмет в виде золотого, серебряно-го или цветного нитяного плетёного шнура с металлическими наконечниками. Прикрепляются на правой (реже левой) стороне мундира, под погоном или эполетом. Принадлежность форменной одежды, прежде всего военной.

енно-полевая форма, достаточно простенькая и, наверняка, удобная. Совсем другое дело. Главное, что никакого пафоса. Даже погоны отсутствуют. Впрочем, у них есть скромная, но, вместе с тем, достойная замена: чёрные «кубики» на светло-аметистовых петлицах и три чёрных же шеврона на левом рукаве куртки, углы которых направлены вверх.... Кстати, а какие знаки различия наличествуют у Василия Хазова? Чёрные «кубики» на петлицах отсутствуют, а шеврон – на левом рукаве – всего один, а его угол направлен вниз. Что это может означать? Пожалуй, только одно: я являюсь Старшим Ангелом и потомственным сиятельным графом, а Васятка – просто Ангел, да и к высокому дворянскому сословию, скорее всего, не имеет никакого отношения, так, местный разночинец и не более того.... Ладно, выбор одежды-обуви сделан. Теперь попробуем разобраться – хотя бы в первом приближении – с технологией предстоящего полёта...».

Он пододвинул непосредственно к пульту управления полётом кожаное кресло на колёсиках, по-хозяйски уселся в него, внимательно осмотрел панели пульта и тихонько пробормотал под нос:

– Лично мне очень нравится вон та, самая крупная белая кнопка, рядом с которой закреплена маленькая прямоугольная табличка с доходчивой надписью на русском языке: – «Запуск ГБК». Что-то мне подсказывает, что имеется в виду так называемый – «Главный бортовой компьютер». А рядом с приметной кнопочкой, как раз, располагается стан-

дартная клавиатура и беспроводная компьютерная мышка. Интересно.... Нажму-ка я, пожалуй, на эту кнопку. Типа – смелого эксперимента ради.... Как там учил – в своё время – господин генерал-лейтенант Громов? Мол: – «Бог, он всегда покровительствует отчаянным и наглым...». Вот, и проверим заодно этот философский постулат...

Сказано-сделано.

Басовито загудело, заполошно и испуганно замигали разноцветные лампочки. Впрочем, уже через полминуты гул стих, лампочки, перестав мигать, стабилизировались, а скучно-серые экраны многочисленных мониторов преобразовались в задумчиво-голубые. Более того, на одном из них даже высветился некий список-перечень.

– Скорее всего, «дисколётное меню», – предположил Егор. – Сейчас разберёмся...

Он, воспользовавшись компьютерной мышкой, «щёлкнул» курсором по строке – «конечная точка маршрута». Тут же – на соседнем мониторе – высветилось серо-белое «окошко», рядом с которым через секунду появился текст: – «Введите координаты места предполагаемой посадки. Либо обозначьте это место кратким текстом произвольной формы».

– Нормальный вариант, – поднимаясь на ноги, одобрительно хмыкнул Егор. – Обозначу, конечно. Только, пожалуй, чуть позже.... Кстати, я знаю, – предусмотрительно замолчал и закончил фразу уже мысленно: – «...на кого похож нынешний российский Император Николай Третий. Ес-

ли слегка проредить русые волосы на голове и сбрить аккуратную бородку, то он и получится – Владимир Владимирович Путин из моего Мира. Очередной «параллельный» фокус, и не более того. Ничего удивительного...».

Он нашёл объёмную кожаную сумку, аккуратно сложил в неё фиолетово-сиреневую полевую форму и тёмно-серые армейские ботинки с высокой шнуровкой, перебросил через плечо широкий «сумочный» ремень и, подойдя к двери, коснулся её вертикальной поверхности ладонью правой руки. Дверка послушно отошла в сторону, открывая взгляду вечернее небо, украшенное бордово-малиновым закатным маревом.

Егор неторопливо спустился по лесенке вниз и, передав сумку Хазову, попросил:

– Помоги, братец, натянуть всё это. Только, пожалуйста, осторожно, чтобы не потревожить раны на руке, боку и спине.

– Всё будет сделано в лучшем виде, – неуверенно и смущённо улыбнувшись, заверил Ангел. – Не сомневайтесь, господин сиятельный граф...

Через пятнадцать минут процесс переодевания был завершён.

– Спасибо, конечно, – заново пристраивая раненую левую руку в перевязь, поблагодарил Егор. – Ладно, Василий, будем прощаться. Служи, боец.

– Будут ли приказы и указания, сиятельный граф? – непонимающе поморгав густыми рыжеватыми ресницами, поинтересовался Хазов.

– Приказы? Будут, конечно.... Значится так. Усиленно бди за Порталом, как бы оттуда не полезли – всякие и разные. Если что – сразу же вызывай подкрепление из Иркутска.... Всё понял?

– Так точно!

– Ещё один важный момент. У меня же – частичная амнезия..., – указал здоровой рукой на лесенку Егор. – А как – перед взлётом – убрать эту штуковину? Запомню, понимаешь...

– Лестница сама уберётся. В автоматическом режиме, когда подадите команду на взлёт.

– Ага, вспомнил. Спасибо за подсказку. Всё, Вася, не скучай. Через полчаса пойду на взлёт.

– Счастливой вам дороги, Ваше сиятельство...

Вернувшись в кабину виманы, он минут двенадцать-пятнадцать, побеспокоив курсором строку – «справочная предполётная информация», посвятил вдумчивому изучению пульта управления и рабочих функций его основных блоков.

«Всё – в первом приближении – понятно», – резюмировал Егор. – «В том смысле, что логично и функционально-грамотно. Режим штатного полёта. Срочная корректировка полётного маршрута в связи с неожиданными погодными ка-

таклизмами. Своевременная реакция на внештатные геомагнитные аномалии. Ну, и всё такое прочее.... А для чего, интересно, предназначен крайний справа монитор, под которым разместились блестящие тумблеры? Этот момент в «справочной информации» никак не оговаривается. Совершенно. Ладно, делать нечего, пойдём насквозь смелым и эмпирическим путём...

«Щёлк!», – переключившись, известил первый попавшийся под указательный палец тумблер.

На экране монитора возникло просторное помещение, заставленное – в три ровных ряда – двухъярусными нарами-кроватями.

«Ни дать, ни взять – армейская казарма», – умилился Егор. – «Среднестатистическая такая, чистенькая, даже дневальный «на тумбочке» присутствует. Только бойцов нет. Впрочем, ничего странного, дневное время, как-никак. Наверняка, находятся либо на плановых учебных занятиях, либо выполняют поставленную перед ними задачу...».

«Отщёлкнув» назад первый тумблер, он – без малейших колебаний – задействовал второй.

Картинка ожидаемо поменялась. Теперь на экране отображалась небольшая овальная поляна среди смешанного редколесья и тёмно-серая пологая скала с чёрным базальтовым прямоугольником. На полянке – в свободных и раскованных позах – расположились девять «фиолетово-сиреневых» автоматчиков.

– Васины подчинённые расслабляются – понимающе хмыкнул Егор. – А чёрный провал в скале – это «параллельный» Портал, по которому я сюда и пожаловал.

В кадре появился Хазов и, грозно нахмурившись, принялся возмущаться:

– Что это, ироды ленивые и толстомясые, вы тут разлеглись? Служебные инструкции не для вас писаны? Совсем, чалдоны сибирские, обнаглели в корягу и страх потеряли?

– Так, некого же теперь бояться, – принялся оправдываться черноволосый «камуфляжник». – Мы же видели, каким «овощем» обгоревшим граф выбрался из каменной Дырищи. Какой из него нынче надзиратель – с такими-то мягкими глазами? Ну, как у бродячей собаки? Это раньше он, такое впечатление, и из далёкого Санкт-Петербурга видел каждую травинку, растущую на этом склоне. Раньше, ярясь от усердия служебного, никому спуску не давал.... Сейчас? Не, совсем другой человек...

– Другой, – устало присев на пышную серо-зелёную моховую кочку, подтвердил Василий. – Сам никогда бы не поверил, что контузия может так изменить человека. Никаких тебе: – «Харя кандальная», «Супостат», «На рудниках сгною» и «Кровью, гнида, умоешься». Наоборот: – «Вася», «Василий Васильевич», «Пожалуйста», «Спасибо», «Служи, боец». Даже по морде ни разу не съездил. И «Песнь Валькирий» – в нашем исполнении – ему понравилась. Представляете? Неслыханное дело. Словно подменили человека...

– Может, действительно, подменили? В каменной Дырище, я имею в виду?

– Думал об этом. Но...

– Что – но?

– Я же графа самолично перевязывал. Его это тело. Однозначно – его. И тёмно-багровое родимое пятно на шее, и кривой шрам на правом предплечье, оставшийся после прошлогодней дуэли. Да и дверка виманы послушно открылась после прикосновения ладони графской.... Значится так, ленивые и зажавшиеся супостаты. Сейчас перекуриваем, а после этого занимаем места согласно штатному расписанию и приступаем к выполнению непосредственных служебных обязанностей.... «Спёкся» наш Живоглот, понятное дело. Но и что с того? Запросто могут и замену ему, болезному, прислать. Достойную и жёсткую замену, я имею в виду. И в оперативном порядке.... Кто-то хочет с кнутом познакомиться? Ноздри – лишние? Вот, и я о том же вам толкую...

«Живоглот – это кто?», – вернув тумблер в «холостое» положение, засомневался Егор. – «Имелся в виду – мой здешний «двойник»? То бишь, если применительно к сегодняшним реалиям, я? И за какие, блин горелый, заслуги было дано такое красочное и экзотическое прозвище? А ещё я, оказывается, записной дуэлянт. Однако.... Кроме того, здесь, судя по всему, широко применяют подслушивающую и подглядывающую аппаратуру. Надо будет обязательно учесть на будущее...».

Зазвучала звонкая мелодичная трель, исходившая от тёмно-синего продолговатого брусочка, закреплённого в отдельном вертикальном гнезде на теле пульта управления.

«Обыкновенный мобильный телефон», – достав шумный предмет из гнезда, решил Егор. – «Только «трубки» на двух крайних верхних кнопочках не красная и зелёная, как у нас, а белая и тёмно-фиолетовая...».

Поразмыслив пару секунд, он надавил подушечкой указательного пальца на кнопку с фиолетовой «трубкой», после чего поднёс мобильник к уху.

Мелодичная трель тут же стихла.

– Милый, ты уже вернулся из своей поездки? – непринуждённо поинтересовался глубокий женский голос, прекрасней и желанней которого не было на всём белом Свете, Её голос. – Эй! Алё-алё.... Почему ты молчишь?

– Здравствуй, Сашенька, – с трудом, чувствуя, как онемели губы, выдавил из себя Егор. – Здравствуй, родная...

– Как ты меня назвал?

– Сашенька.... А что?

– Ничего, – голос в телефоне насторожился. – Пошла-то как-то звучит, по-плебейски.... С тобой, Егора, ничего не случилось? Признавайся и не темни. Я всё равно пойму, если соврёшь.... Рассказывай.

– Э-э-э.... Случайно попал под незапланированный гранатный взрыв...

– Что ты сказал? Под взрыв? Милый! Егорушка! Что же это такое, а? Как ты?

– Нормально я, Саня, – заверил Егор. – Лёгкие и безобидные царапины. . . . Только, вот, в голове вязкий туман плавает. До сих пор. Есть мнение, что имеет место быть частичная амнезия. Очень-очень частичная и очень-очень временная. Ничего страшного, короче говоря. . . . А как ты узнала, что я вернулся?

– Действительно, туман. Бедненький мой. . . . Как узнала? Обыкновенно. Как и всегда. На экранчике моего айфона высветилось: – «Вимана графа активизирована». . . . А эти – «Сашенька и Саня»? Ты же меня так никогда не называл. Ни разу.

– А как – называл? Небось, сугубо солидно и по-аристократически?

– Не помнишь?

– Частичная амнезия же. Напомни, пожалуйста.

– Александра. Аля. Аль.

– «Аль» – это на западный манер?

– Ага, на иностранный. И только когда рядом не было посторонних ушей. . . . Ты, любимый, когда прилетишь?

– Постараюсь побыстрее. Как с текущими делами управлюсь. А ты. . . , а ты, Аль, что сейчас делаешь?

– Ласточку объезжаю, как ты, милый, и советовал. Хорошая такая лошадка – норовистая, шустрая и с отменным аллюром. . . . Вот, сейчас остановились. Пусть кобылка немно-

го отдохнёт.... А потом немного встряхнусь, приму душ, переоденусь и поеду.... Ну, туда, куда и полагается – по моей высокой должности.

– По какой, извини, должности?

– И здесь – амнезия? – понятно вздохнула Александра. – По должности фрейлины Двора княжеского. Вернее, сразу двух Дворов....

В трубке – где-то на заднем фоне – раздался-зазвучал тихий звон-перезвон.

– Что это такое? – насторожился Егор. – Колокольчик?

– Он самый. По дороге цирковой фургон проезжает. Старенький такой, местами облезлый. И лошадка такая же – пожилая и ужасно-облезлая. Вот, на её худящей шее и болтается простецкий колокольчик.

– Э-э-э....

– Да, ладно тебе, Егора, не волнуйся. С безопасностью всё в полном порядке. Я же здесь не одна. Целых три профессиональных телохранителя усердно бдят рядом.... Всё, родной, мне пора. До скорой встречи. Жду и вождедею.

– И я...

– Странность странная и непонятная, – отключив мобильник, пробормотал Егор. – Сам разговор? И это, конечно, тоже.... Но.... Колокольчик. Позвякал себе. Побренчал. Ненавязчиво так, едва слышно. А сердце почему-то растревожилось: явственно вздрогнуло, тот звон заслышав, и застуча-

ло – громко, тревожно, загадочно и раза в два быстрее, чем раньше.... К чему бы это?

Глава пятая

Весь зашёлся от рыданий

Непросто ему дался этот разговор с Александрой: руки слегка подрагивали, болезненно покалывало в висках, а на лбу даже мелкие бисеринки пота выступили.

– Холодного пота, – проведя по лбу ладонью, уточнил Егор. – Прямо-таки, ледяного.... Успокоиться бы надо. Хотя бы слегка. То бишь, привести – по заветам наимудрейшего Виталия Палыча Громова – расшатанные нервишки в порядок. Как в таком неверном состоянии – взлетать? Никак, пенёк ясный, берёзовый...

Он подошёл к минибару, приоткрыл изящную дверку и, произведя беглый осмотр содержимого, резюмировал – про себя, конечно же, помня о здешнем уважительном отношении к подглядывающим и подслушивающим устройствам: – «Судя по всему, в тутошней России по-взрослому царит махровый и безграничный патриотизм. В том смысле, что никаких импортных напитков не наблюдается. Совсем никаких. Наоборот, сплошной отечественный алкоголь: водка, коньяк трёх видов, наливки и настойки в широком ассортименте. И несколько пол-литровых банок с пивом расположились на отдельной полочке.... Ну-ка, ну-ка. Что за марка? «Охота крепкое»? Однако. Очередное знаковое совпадение.... Уда-

рим по пивку? Не, это будет по-плебейски, как любит выражаться моя Аль. Сиятельный граф я, или где? Поэтому нака-тим, пожалуй, коньячку. «Шустовский⁴» одесского розлива? Замечательно.... Как раз в буфете имеется и пузатый «ко-ньячный» бокал. Учитывая, что вся посуда в буфете никак не закреплена, можно сделать вывод – о «мягкости» полётов местных виман.... Так-с. А чем, пардон, закусить? Что там у нас в холодильнике? Ага, симпатичные охотничьи колбаски. Попробуем, не вопрос.... На вкус – практически как наши. Нормальный вариант....».

После двух «коньячных» доз и пяти съеденных колбасок Егор решил, что окончательно пришёл в норму и полностью готов к предстоящему полёту, а после этого перебазировался – вместе с креслом на колёсиках и бокалом, на доньшке которого плескался благородный тёмно-янтарный напиток – к пульту управления.

На правом – относительно поясного царского портрета – экране монитора по-прежнему высвечивалась вежливая приглашающая надпись: – «Введите координаты места предлагаемой посадки. Либо обозначьте это место кратким текстом произвольной формы».

«Что вводить?», – задумался Егор. – «При допросе выяснилось, что мой «параллельный двойник» проживал – вместе с супругой – в загородном поместье, расположенном к

---

⁴ Шустовы – российские купцы и солепромышленники, владельцы коньячных заводов в Армении, Одессе и Москве.

северу от Санкт-Петербурга, на Карельском перешейке. Туда, понятное дело, и надо лететь. Сперва – Александра. А всё остальное – потом. Включая доклад руководству о выполнении поручения в Параллельном (моём), Мире. Кстати, надо будет как-нибудь прояснить – персоналии этого руководства.... Осуществить посадку непосредственно рядом с графским домом? Не знаю, не знаю. Можно ненароком раздавить – либо какую-нибудь нужную хозяйственную постройку, либо ценное домашнее животное....».

Он, с удовольствием отхлебнув «шустовского» коньяка, пристроил бокал рядом с клавиатурой и «набил» в серо-белом окошке следующий нехитрый текст: – «Один километр восточнее от загородного дома графа Егора Петрова и графини Александры Петровой».

Через несколько секунд эта надпись исчезла, а на её месте появилась другая: – «В указанном вами месте находится озеро Малое Чёрное. Посадка невозможна. Предложите другой вариант».

– Предложу, конечно, – пообещал Егор, после чего, не мудрствуя лукаво, заменил фразу «один километр восточнее» на «один километр западнее».

«Место для посадки принимается», – благосклонно известил ГБК, после чего посоветовал: – «Перейдите в основное меню».

Он и перешёл.

То бишь, начал активно «ползать» курсором по «диско-

лётному меню», принимая те или иные решения:

– Значит, «маршрут». Пусть будет – «на усмотрение бортового компьютера».... «Время старта». Тут надо подумать. Зачем прилетать поздней ночью? Правильно, незачем. Что, спрашивается, делать в полной темноте? Гораздо умнее и полезнее – прибыть на раннем и нежном рассвете.... А ещё надо обязательно учесть и разницу в часовых поясах. С этим-то, как раз, всё – более-менее – понятно. Но, пардон, с какой скоростью перемещаются – по заданному маршруту – виманы? Неизвестно. Будем надеяться, что с разумной. Ладно, ввожу – «время старта – шесть ноль-ноль по местному времени».... Теперь – «смотровые окна». Здесь их, оказывается, целых два. Хорошо, уговорили, пусть оба откроются.... Опаньки, половина пола стала прозрачной, каждую травинку под днищем виманы можно рассмотреть в прощальных лучах закатного солнышка. А где же второе? Ага, входная дверка стала «стеклянной». Нормальный вариант.... «Режим посадки»? Естественно, «в автоматическом режиме». Извините, но «в ручном» не рискну, квалификация с практикой отсутствуют.... Что там у нас ещё? «Подтвердить выбранную программу полёта». Подтверждаю, конечно, не вопрос. А после этого перехожу к заслуженному и долгожданному отдыху...

Егор ещё хлебнул коньячка, съел две охотничьи колбаски, посетил туалет, а после этого, не раздеваясь, завалился на кровать.

Сон пришёл почти сразу – цветной, чёткий и ожидаемый: летний бескрайний луг, покрытый скромными полевыми цветами, по которому скакала прекрасная черноволосая всадница на серой «в яблоках» лошади.

На берегу узенького ручья лошадь остановилась.

– Где же ты, Егорушка? – пряча томные глаза за густыми ресницами, спросила Александра. – Я так соскучилась, – демонстративно – указательным пальчиком с алмазным колечком – сбросила с точёного белоснежного плеча тоненькую бретельку...

Проснулся он от едва слышного подозрительного гула, лёгкой вибрации и противного механического голоса, объявившего три раза подряд, с короткими перерывами:

– Утверждённая программа полёта запущена. Старт.... Утверждённая программа полёта запущена. Старт...

Егор ловко соскочил с кровати, замороженно уставился себе под ноги, вернее, на прозрачный пол, за которым всюду бушевали жёлто-красные языки пламени, и мысленно прокомментировал: – «Дисколёт, словно бы опираясь на три огненных столба, вырывающихся из боковых отверстий в днище аппарата, приподнялся над землёй метра на три-четыре.... А что у нас за стеклянной дверью?», – резко обернулся. – «Наружное кольцо виманы начало быстро-быстро вращаться вокруг своей центральной оси, постоянно ускоряясь и разбрасывая во все стороны яркие светло-голубые искры.

Всё, аппарат плавно и уверенно пошёл вверх.... Что-то мне подсказывает, что сам принцип полёта виман каким-то образом связан с магнитным полем Земли. Не иначе...».

Полёт проходил очень комфортно, на высоте десяти тысяч метров – это он определил по высотомеру, то есть, по альтиметру. А, вот, ничего похожего на датчики, измеряющие скорость передвижения, не обнаружилось.

«Наверное, это ни к чему», – решил Егор. – «Скорее всего, здешние виманы, находящиеся в симбиозе с планетарным магнитным полем, всегда летают с одинаковой, строго-определённой скоростью. Хотя, конечно, могу и ошибаться...».

Стояла ясная и безоблачная погода, поэтому было очень интересно и занимательно наблюдать за поверхностью Земли через прозрачный пол дисколёта.

– Красотища неопишутая, – узнавая «проплывающие» внизу географические объекты, восхищённо бормотал Егор. – Только что перелетели через Енисей. А сейчас под виманой расстилается – насколько хватает глаз – болотистая Западно-Сибирская равнина...

Перекусив всякой разностью, найденной в холодильнике, (на этот раз под пиво, мол, в виде исключения и пока никто не видит), он уселся в кресло на колёсиках, приставленное к ГБК и вскоре обнаружил (на отдельном мониторе), что и в этом Море есть Интернет.

Зайдя в одну из поисковых систем, он разжился следующей познавательной и актуальной информацией: – «Егор

Андреевич Петров, потомственный российский граф, дата рождения «такая-то» (она полностью соответствовала дате рождения нашего героя). Старший Ангел второй категории Третьего департамента Тайной Канцелярии Его Императорского Величества, что соответствует званию «статского советника» – по прежней иерархии. Является кавалером многих отечественных орденов. Известен, как талантливый и модный поэт, автор нескольких сборников стихотворений, романсов, баллад и сонетов. Жена – Александра Ивановна Петрова, урождённая – Назарова, из мелкопоместных нижегородских дворян (и «та» Сашенька, ныне покойная, родилась в Нижнем Новгороде). Фрейлина Дворов Великих князей Константина Петровича и Владимира Петровича...».

«Нормальный вариант», – мысленно одобрил Егор. – «А что такое – «Третий департамент», и с чем его едят? Сейчас узнаем. Сейчас-сейчас.... Итак, здешний Интернет докладывает: – «Третий департамент Тайной Канцелярии Его Императорского Величества. Образован отдельным Указом Его Императорского Величества в августе 1999-го года. Глава Третьего департамента – Великий князь Константин Петрович Романов. Сфера деятельности – многоуровневое изучение различных паранормальных явлений...». Простенько и со вкусом. Более того, теперь я знаю, кто является моим непосредственным шефом. Весьма интересная и позитивная информация. Весьма.... Может, ещё пивка – по такому важному поводу? Дельное предложение. Принимается.... Кста-

ти, местная «Охота», она очень похожа по вкусу на ту, нашу. Практически один в один...».

Призывно запиликал – совершенно-незнакомой мелодией – мобильный телефон.

«Кто это может быть?», – удивился Егор. – «Сашенька? Так ведь в Санкт-Петербурге сейчас глухая ночь.... Соскучилась? Или же, тьфу-тьфу-тьфу, что-то случилось?».

– Я слушаю, – он поднёс к уху тёмно-синий брусок мобильного.

– Граф Петров? – поинтересовался вкрадчивый голос махровой канцелярской крысы.

– Он самый.

– Сейчас с вами будет говорить Великий князь Константин Петрович. Ждите...

Ждать пришлось порядка пяти минут.

Наконец, в мобильнике кто-то солидно откашлялся, а после этого певучий и бодрый мужской баритон непринуждённо поздоровался:

– Привет, Живоглотик! Как там – жизнь молодая и служивая?

– Доброго вам здравия, Ваше Высочество, – вежливо поздоровался Егор. – Разрешите доложить – по результатам командировки?

– Ты что там, паренёк, белены объелся? – искренне удивился-возмутился собеседник. – Совсем краёв не видишь? С чего это, вдруг, ударился в казённую официальщину? Мы

же с тобой люди не чужие, а, наоборот, много чем и кем связанные.... Ах, да. Тебя же контузило...

– Качественно контузило. Даже частичная амнезия наблюдается. Юность свою, например, совсем не помню. Да и события-происшествия годичной давности – как в тумане.

– Ишь, ты. Сочувствую, мил-друг. Хотя, если хорошенько вдуматься, это даже и не плохо. Интересная такая фишка...

– Это в каком же, извините, смысле? – засомневался Егор.

– Во многих, Егорка, смыслах, – покровительственно хохотнул Великий князь. – Во многих.... Память, она, зачастую, очень здорово осложняет жизнь. И не только осложняет, но и качественно портит. Причём, как владельцу этой самой конкретной памяти, так и всем окружающим его персонам. Проверено неоднократно.... Вот, взять, к примеру, тебя. Американское ЦРУ никогда и не скрывало, что прямо-таки мечтает – завербовать Старшего Ангела Петрова. Или же выкрасть. Или же, на худой конец, пристрелить. А зачем, спрашивается, ты им нынче нужен – со своей дурацкой амнезией? То-то же. Так что, теперь можешь спать спокойно и беззаботно. Из нетленной серии: – «Меньше знаешь – крепче спишь...». Даже лёгкие завидки берут. Ха-ха-ха. Шутка такая, великокняжеская насквозь.... Ладно, рассказывай, Странник, по делу. Что, где и как.

– Слушаюсь, Ваше Высочество...

– Отставить! Ну, режет мне ухо такое обращение, и всё тут.... Как ты меня раньше называл? Вспоминай, парнишка.

Вспоминай.

– Может, по имени-отчеству?

– Ладно, подсказываю, так и быть.... Как Алексашка
Меньшиков именовал Императора Петра Первого?

– Мин херц.

– И ты меня – похожим по звучанию словом. Ну, соображай, соображай. Шевели извилинами контужеными.

– Экселенц? – предположил Егор.

– Молодец, приятель, – обрадовался-развеселился баритон. – А я, оказывается, доктор. Практически – талантливый психиатр. Вон, даже память умею восстанавливать.... Всё, поохмили, пошутили, и будет. Докладывай, граф.

– Слушаюсь, экселенц.... Значит, так. Прибыл в их Тегеран. Заложил посылку в условленное место. Ничего подозрительного не зафиксировал. Проследовал в пустыню Такла-Макан, к Порталу. То бишь, к Дырище. Встретился там с восьмью неизвестными вооружёнными людьми, которые попытались задержать меня для допроса. Всех, в полном соответствии со штатными инструкциями, уничтожил. Трупы сбросил в ближайший глубокий овраг и наспех забросал – чем попало. Но и сам, в процессе боестолкновения, получил несколько лёгких ранений. Пострадали левая рука, правый бок и спина. Плюс – контузия. Но ничего страшного и необратимого. По выходу из Портала уже получил необходимую медицинскую помощь в полном объёме. Доклад закончен.

– Ну, Старший Ангел, ты и даёшь. Шпаришь – как по писаному.... И куда, спрашивается, подевался прежний Егорка-раздолбай, который и двух-то слов толком связать не мог? Какая, всё же, полезная штука – контузия. Надо будет обязательно взять на вооружение. Применительно ко всем другим раздолбаям, я имею в виду.... Молодец, граф. Хвалю.

– Не достоин, уважаемый экселенц, вашей похвалы, – виновато шмыгнул носом Егор. – Не достоин...

– А что так? В чём виноват? Где напортачил?

– В спешке же уходил в Портал. Раны, опять же. Контузия. Туман в голове.... Короче говоря, не уверен, что качественно «прибрался» там, возле Портала.

– Понятно.... Что предлагаешь?

– Надо бы мне – в срочном порядке – вернуться туда и всё качественно «подчистить».

– А как же – ранения с контузией?

– Ерунда, экселенц. За несколько суток всё заживёт. Обещаю. Чай, не впервой.... Так как? Отпустите?

– Я подумаю над этим вариантом.... А ты, Живоглот, где сейчас?

– Пролетаю, кажется, над Уралом.

– Почему – кажется?

– Здесь заря лишь только намечается. Серость сплошная в смотровых окошках виманы. Получается, что я путешествую совместно с зарёй. Обгоняя её совсем на чуть-чуть...

– Понял, не продолжай.... Домой, небось, направляешь-

ся? Душ принять, то, да сё? С молоденькой и страстной жёнушкой пообжиматься в спальне супружеской?

– Так точно. Угадали.

– Ну-ну. Не возражаю.... Тогда сделаем, пожалуй, так. Подъезжай ко мне...э-э-э, к восемнадцати ноль-ноль. Во-первых, расскажешь – в подробностях и деталях – о боестолкновении. Во-вторых, покумекаем над нашими дальнейшими планами-действиями.

– Слушаюсь! Экселенц, а откуда вы узнали про мою контузию? Васька Хазов доложил?

– Делать мне больше нечего, как со всякими низкородными плебеями общаться, – презрительно хмыкнул Великий князь. – Совсем, Егорка, умом тронулся с этой контузией. Алька твоя, заскочив по делам фрейлинским, рассказала.... Всё, бывай, граф сиятельный. До встречи.

– До встречи, экселенц...

«Характерный такой баритон у Константина Петровича», – мысленно усмехнулся Егор. – «Начальственный и вальяжный, со знакомыми генерал-лейтенантскими нотками...».

Он сидел в кожаном кресле на колёсиках – пялился в «смотровые окошки» виманы,пил «шустовский» коньяк, лениво жевал охотничьи колбаски и думал-размышлял...

О чём – думал-размышлял? О многом. Обо всём сразу, и

ни о чём – конкретно. Так бывает – в предчувствии резких и судьбоносных жизненных поворотов. Редко, но бывает. Философия голимая, мои дамы и господа. Философия – наука призрачная, неверная, обманная и коварная. Даже стишок в голове – сам собой – сложился:

Когда-нибудь, уже на склоне лет,
Я повзрослею – как-то незаметно.
Загадывать – неверная примета,
Одна из самых призрачных – примет...

Когда-нибудь, уже на склоне лет...

Когда-нибудь, в один из светлых дней,
Что скупое так отпущены Судьбою,
Мы встретимся – единожды с тобою,
На фоне – уходящих кораблей...

Когда-нибудь, в один из светлых дней...

Когда-нибудь, среди нагих полей,
С тобою мы, конечно, разминёмся...
И очень тихо – вслед нам рассмеётся
Волшебник ночи – скромный соловей...

Когда-нибудь, среди нагих полей...

Когда-нибудь, на краешке иглы,

Я посещу – ещё – сей берег дальний,
Что весь пропитан – обещаньем тайны,
И ожиданьем – сказочной Игры...

Когда-нибудь, на краешке иглы...

Бред бредовый, конечно. Но, с другой стороны, лучше бредить, чем заниматься тупым и безостановочным потребительством, граничащим с безумной и грешной гордыней. Философия – в действии...

Не обращайтесь, пожалуйста, внимания, дамы и господа. Не обращайтесь. Возвращаемся – к реалиям нашего повествования...

В какой-то момент Егор даже слегка задремал. Но так, ненадолго, минуты на две-три-четыре.

А потом противный механический голос – три раза подряд – известил:

– Утверждённая программа полёта успешно завершена. Посадка – в конечной точке маршрута – произведена.... Утверждённая программа полёта успешно завершена. Посадка – в конечной точке маршрута – произведена....

Он непроизвольно посмотрел в сторону «дверного» окошка: на тёмно-сером фоне загадочно светился-подрагивал уютный жёлто-оранжевый огонёк.

– Утренний рассвет, приближаясь, ещё только сереет, – предположил Егор. – А подрагивающий огонёк – это ко-

стёр.... И кто же его, интересно, разжёл-запалил? Сейчас узнаем...

Он, открыв дверку виманы с помощью собственной ладони, вышел наружу – на верхнюю ступеньку лестницы.

Было очень тепло и влажно. Пахло летним полевым разнотравьем и вчерашним дождем. Жёлто-оранжевый огонёк горел-тлел совсем рядом, метрах в пятидесяти-семидесяти. За костром угадывался тёмный силуэт какой-то приземистой повозки. С правой стороны долетело недовольное конское ржание, пару раз – сонно и нежно – звякнул колокольчик.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, благородный дворянин, – раздался от костра знакомый мужской голос. – Мы – мирные циркачи и сейчас переместимся от вашей виманы в сторону. Подождите несколько минут. Я только лошадку запрягу...

«Знакомый голос?», – мысленно охнул Егор. – «Это же, это же.... Это же Лёшкин голос.... Как мой брат оказался здесь? Ах, да. Просто здешний «аналог» Алексея, и не более того.... Стоп, но он же, по утверждению «параллельного» Егора Петрова, пропал без вести – пять лет тому назад, в суровых горах Тянь-Шаня. Что из того? Получается, что нашёлся. Бывает.... И что теперь делать? Остаётся только одно – и дальше старательно ломать комедию. То бишь, действовать сугубо по обстановке, как и велел мудрый Виталий Палыч...».

– Не надо никуда перемещаться, – известил-разрешил

Егор. – Я сейчас сам подойду к вам, поговорим...

Он, мысленно отгоняя прочь волнение, медленно спустился по лесенке, подошёл к жёлто-оранжевому пламени и внимательно всмотрелся в лицо мужчины, стоявшего рядом с костром.

«Высокий, плечистый, голый по пояс, жилистый и мускулистый, характерный «боксёрский» нос, светло-русые волосы на голове», – отметил Егор. – «Бандитствующий белобрысый деятель, не вызывающий особого доверия. Тот ещё субчик, из серии: палец в рот не клади, руку – по самый локоть – оттяпает. То бишь, на меня здорово похож...».

Последние сомнения отпали: перед ним находился пропавший младший брат, вернее, пропавший и нашедшийся младший брат «аналога».

– Брат? – вопросительно пробормотал «бандитствующий белобрысый деятель». – Ты ли это?

– Алёша, братишка? – принялся импровизировать Егор. – Нашёлся-таки? Вот, радость-то какая.... Э-э-э, подожди лезть с объятьями медвежьими. Раны у меня.

– Какие раны, брат?

– Так, ерунда, ничего серьёзного. Всё по касательной пролетело. Но тревожить – лишний раз – не стоит. Давай-ка лапу...

«Что-то не так», – зашелестели в голове тревожные мысли. – «Искусственность какая-то чётко ощущается. Да, что там – ощущается. Прямо-таки прёт во всю Ивановскую....»

Ладно, я лицедействую. Но и «двойник» Алексея, похоже, занят тем же самым... К чему бы это?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.